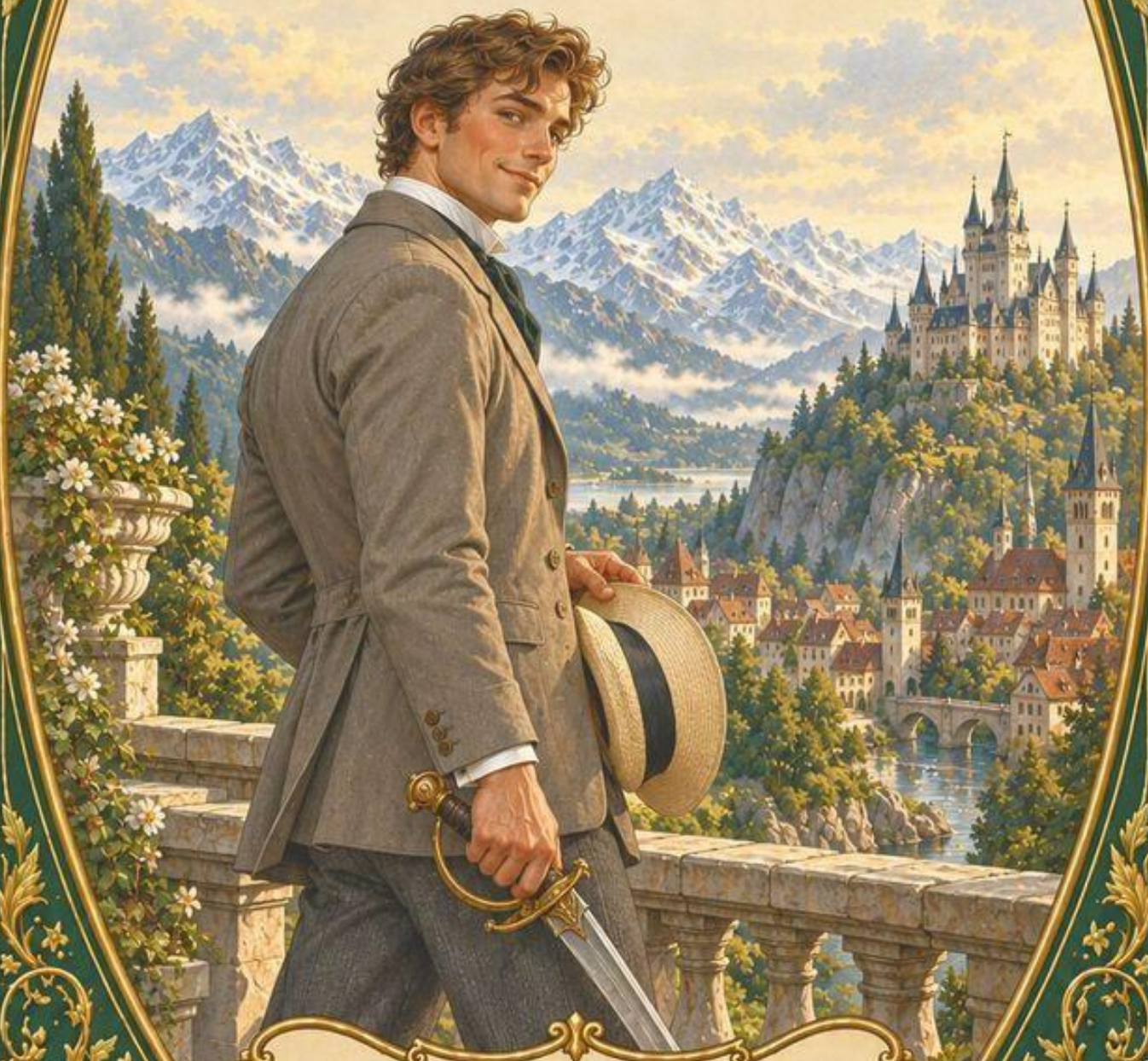
18+

ДЖОРДЖ БАРР МАККАТЧЕН

ГЕРОЙ-ЛЮБИТЕЛЬ



ТРАКСТОН КИНГ
В ГРАУСТАРКЕ

адаптация и перевод
НАТАЛЬИ МЕЙТИН

Джордж Барр Маккатчен

Герой-любитель. Тракстон Кинг в Граустарке

«Издательские решения»

Маккатчен Д.

Герой-любитель. Тракстон Кинг в Граустарке / Д. Маккатчен — «Издательские решения»,

Молодой нью-йоркец Тракстон Кинг объехал полсвета в поисках Романтики с большой буквы и почти отчаялся. В сказочном Эдельвейсе, столице Граустарка, он покупает старый палаш, ловит улыбку из окна и не замечает, как оказывается в самом центре заговора против маленького князя. Третья книга о Граустарке Джорджа Барра Маккатчена в живой современной адаптации Натальи Мейтин.

© Маккатчен Д.
© Издательские решения

Содержание

ГЕРОЙ-ЛЮБИТЕЛЬ 6
Тракстон Кинг в Граустарке 6
Граустарк · Книга 3 7
Роман Джорджа Барра Маккатчена 7
Адаптация и перевод Натальи Мейтин 8
ГЛАВА I 9
ГЛАВА II 18
ГЛАВА III 25
ГЛАВА IV 34
ГЛАВА V 44
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Герой-любитель
Тракстон Кинг в Граустарке

Джордж Барр Маккатчен

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingenium. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Джордж Барр Маккатчен, 2026
© Наталья Мейтин, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-5976-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЕРОЙ-ЛЮБИТЕЛЬ

Тракстон Кинг в Граустарке

Граустарк · Книга 3

Роман Джорджа Барра Маккатчена

Адаптация и перевод Натальи Мейтин

ГЛАВА I

В которой искатель романтики скучает в сказочной стране, торгуется за палаш и получает улыбку из окна

Это был высокий, ширококостный, поджарый молодой человек с лицом, так продублённым ветром и солнцем, что на ощупь оно, казалось, должно быть как седельная кожа — если бы кто-нибудь осмелился проверить. Впрочем, одного взгляда в его бесшабашные глаза хватало, чтобы такая мысль больше не приходила. Одежда сидела на нём свободно, но без той мешковатости, какой страдают совсем юные мужчины, ещё не доросшие до собственных плеч. Сразу было видно, что из колледжа он вышел от двух до пяти лет назад — и что отучился там положенный срок, без труда играя в двух-трёх командах и с огромным трудом сдавая физику, которую полагалось выучить где-то между концом футбольного сезона и началом бейсбольного.

Звали этого молодого человека в панаме и серых фланелевых брюках Тракстон Кинг, и был он начинающим путешественником и искателем сокровищ Романтики.

Где-то возле Центрального парка, на одной из респектабельных поперечных улиц, стоял дом его отца и деда — дом, которого Тракстон не видел уже больше двух лет. Отец его был фабрикант, и не просто фабрикант, а человек с весом в финансовом мире: он делал сталь. Мать королевой нью-йоркского света не была, но в первых её фрейлинах, скажем так, состояла — что для жены фабриканта более чем достаточно. Сталь в наследство сыну она не одобряла. Тракстону полагалось стать дипломатом: от грубой стали это так же далеко, как нью-йоркский почтамт от Сент-Джеймсского двора.

Отец видел в нём будущего стального Креза, мать — светского Соломона, и никто не догадался спросить, чего хочет он сам. А хотел он приключений — подальше и от стали, и от бархата, о чём не замедлил уведомить почтенных родителей. Он решил повидать мир. Не так, как мы с вами, чьи амбиции простираются до соседнего квартала и одной-единственной поездки в Европу, чтобы было о чём поговорить в гостях, — а по-настоящему.

Молодой мистер Кинг верил в Романтику. Когда-то он верил в Санта-Клауса и фей, и шишка воображения росла у него с годами — по соседству, как ни странно, с вполне развитой шишкой усердия. Ему не повезло родиться в девятнадцатом веке вместо семнадцатого. Оттуда, из семнадцатого, через кровь какого-нибудь предка-забияки, к нему и пришла тоска по шпаге, приключению и учтивой любви — в безнадёжно неромантичном двадцатом веке.

Войны, конечно, случались, но война — не Романтика. Против Испании он воевать не успел по молодости, а потом футбол занимал его куда больше, чем японцы и русские. Оставалось искать приключений самому. На Пятой авеню и на отцовской фабрике они не водились. На Бродвее водились — но другого сорта. Года через два Тракстон убедился, что уважающему себя герою такой романтики надолго не хватит, отвернулся от мелких соблазнов и отправился по менее приятным, но более многообещающим дорогам мира.

Здесь мы его и застаём — к счастью, не следуя за ним по пятам, — после двух лет чудесных, но довольно разочаровывающих приключений в Средней Азии и по всей Африке. Он видел Конго и Евфрат, Ганг и Нил, Янцзы и Енисей; лазил по горам Абиссинии, Сиама, Тибета и Афганистана; охотился на крупного зверя в джунглях и сам не раз бывал дичью в чужих лесах — не говоря уже о мелких стычках в городах, где о Западе и не слыхивали. Но перечислять — пустая трата времени. Как ни странно, к цивилизации он возвращался с настоящим разочарованием в сердце. Романтики он не нашёл.

Приключений — сколько угодно. А Романтика… Что ж, видно, сказочные принцессы так и живут только в книжках.

Вот он: двадцать шесть лет, силён, полон жизни — и почти смирился с тем, что придётся вернуться в милый старый Нью-Йорк. Поговорить с отцом о конторе. Выслушать от матери

в сотый раз про славных девушек, которых не нужно спасать от людоедов, чтобы они согласились на тихую семейную жизнь. Рассказать сестре и общим друзьям чистую правду о своих странствиях — зная наперёд, что друзья сочтут его отважным вралём, и только.

Двадцать дней он шёл с караваном через Персидское нагорье — Герат, Мешхед, Бухара, — потом вдвоём с проводником свернул к Аральскому морю и восточному берегу Каспия, а оттуда, через предгорья Урала, вышел на старую римскую дорогу. Она спускалась в зелёные долины страны, которую он прежде считал выдумкой какого-то сумасбродного сочинителя.

Где-то на мерцающем Востоке он с изумлением узнал, что Граустарк существует. Сперва не поверил. Но в английском банке в Мешхеде его заверили: если долго ехать на северо-запад и не бояться тягот, от которых бегут нормальные люди, — доберётся. Угасавший огонёк Романтики вспыхнул снова, кровь побежала быстрее. Нет, домой он не поедет, пока не увидит эту страну прекрасных женщин и старинных преданий! И много дней он ехал дикими, опасными татарскими дорогами, словно рыцарь из сказок Шахерезады, пока наконец не оказался у ворот Эдельвейса.

Лишь за отменным ужином в знаменитой гостинице «Регенгетц» он по-настоящему осознал, что находится в сказочном Граустарке — чудно́м и суровом маленьком княжестве, спрятанном в самом потайном кармане земного шара. Страна его грёз! Он и не надеялся, что она существует на самом деле.

Он щипал себя, чтобы убедиться, что не спит, вытягивал усталые ноги под изящным столиком, к которому подносили настоящую еду, — и щипал себя снова. После ужина он вышел на широкую террасу и смотрел на улицы этого городка из книжки с картинками — средневекового, простого и сурового разом. Огни мерцали, оконные стёкла плясали, и вся картина так упорно казалась ненастоящей, что он даже пощупал себе пульс: не лихорадка ли?

Скажи ему кто-нибудь полгода назад, что Граустарк существует и до него можно доехать, — он бы высмеял этого человека, будь тот хоть самым дотошным географом.

Однако за два года мистер Кинг, при всей своей бесшабашной вере в первые впечатления, сильно поумнел. Жизнь в самых диких уголках мира научила его, что нетерпение — враг здравого смысла. Приключение, знал он, вполне способно подождать до завтра, а вот сон усталого человека ждать не станет. Поэтому в первый вечер он подавил желание бродить по ночному городу, мужественно лёг спать пораньше — и уснул сразу, если это что-нибудь говорит вам о том, как время и обстоятельства закалили его характер. Голова его была полна видений прекрасных дам и заманчивых возможностей. К завтраку он встал только в полдень.

А теперь мой печальный долг сообщить, что через двое суток в Эдельвейсе Тракстон Кинг был готов ехать дальше — полностью разочарованный и изрядно злой на себя за то, что вообще сюда притащился.

Старый город, к его величайшей досаде, оказался скучным. Да, чудесный, богатый преданиями, живописный, седой от древности и битком набитый тайнами бурного прошлого. Но сейчас, по мнению многоопытного Тракстона, это была сонная дыра, про которую историки либо вдохновенно наврали, либо сами бессовестно обманулись. Почти месяц он ехал по суше из сердца Азии — чтобы оказаться на кладбище больших надежд!

Он изъездил Эдельвейс вдоль и поперёк. Проехался по крепостным валам. Фотографировал крепость ниже по реке — и никто его не арестовал. На муле поднялся к монастырю Святого Валентина на снежной вершине, откуда видны все зелёные долины внизу. Видел Башню, где, по слухам, держали знатных узников. Съездил по Княжеской дороге в Ганлук и в полночь постоял на мостах, построенных американцами, — и всё время недоумевал, зачем он здесь. Днём и ночью он бродил по узким кривым улочкам и ни разу за все свои странствия не встречал места спокойнее и людей благонравнее.

Все были заняты делом, бережливы и законопослушны. С тем же успехом он мог поехать в Прагу или в Нюрнберг: те были не менее стары, не менее живописны и ничуть не менее скучны, чем этот тепловатый городок в горах.

Где же красавицы, о которых он читал и мечтал от самого Тегерана? Где князья, герцоги и бароны — не говоря уже об их прелестных спутницах? Пока что он видел только лавочников и продавщиц, разносчиков и торговок фруктами. Куда подевались граустаркская знать и двор?

Но больше всего его бесила контора Кука. Да-да, в городе была туристическая контора Кука, и у него под носом без конца приезжали и уезжали группы, одинаково восхищённые тем, что «повидали Граустарк»! Переводчик с надписью «Кук» на фуражке был самой важной — и самой невзрачной — персоной в городе. Неудивительно, что бывалый путешественник был возмущён до глубины души!

Поезд на Вену ходил три раза в неделю. Тракстон твёрдо решил, что субботний экспресс без него не уйдёт, — и от души поворчал на себя за то, что не уехал в четверг.

Новооткрытый Американский клуб на Замковом проспекте он обходил, как чумной барак, и уныло бродил по улицам один, с огорчением замечая, что горожане вовсе не провожают его восхищёнными взглядами. Высокие молодые американцы стали в Эдельвейсе делом обычным.

Только одна лавчонка на площади занимала его всерьёз. Она стояла прямо напротив кафе «Корона» (с американским баром), и в её мутных окошках было выставлено такое старинное оружие, что Тракстон гадал, для чего им пользовались даже в Средние века. Он то и дело переходил площадь из сада при кафе, чтобы постоять у этих окон. Однажды даже зашёл внутрь — ему вдруг страшно захотелось купить огромный палаш, — но в лавке никого не было. Из глубины дома доносился звон молотов и пение закалённой стали, но, сколько он ни стучал тростью, никто не вышел.

Несколько раз он видел в дверях лавки сухого старика с острым, недобрым лицом. Но лишь пропустив четверговый поезд, Тракстон решил его окликнуть и заполучить палаш любой ценой. Он пересёк площадь, втиснулся в узкую дверь и громко потребовал внимания. Кричал он так, что старинные мечи и ружья по стенам, казалось, задребезжали от ужаса перед этим вторжением современности.

— Что такое? — раздался у самого его локтя резкий, сердитый голос.

Тракстон обернулся и увидел морщинистое, словно пергаментное лицо старичка, чьи чёрные глазки зло сверкали.

— Вы думаете, я глухой?

— Я не знал, что вы здесь, — выдохнул Тракстон, позабыв удивиться его английскому. — Лавка казалась пустой. Простите, что раскричался.

— Что вам угодно?

— Вон тот пала… Постойте, вы говорите по-английски?

— Разумеется, — отрезал старик. — А почему бы нет? Переводчика я себе позволить не могу. С тех пор как в Эдельвейс пришли американцы и англичане, английский здесь на каждом шагу. Они наш язык учить не желают — приходится нам учить их.

— Вы говорите не хуже меня.

— Лучше, молодой человек. Вы ведь американец.

Колкость Тракстон оценил, но обижаться не стал: в глазах старика мелькнула искорка, и глубокие морщины у рта, казалось, вот-вот треснут в улыбке.

— Сколько стоит тот старый палаш в витрине?

— Вы желаете его купить?

— Разумеется.

— Триста гавво.

— А в долларах?

— Четыреста двадцать.

— Ого!

— Он подлинный, сэр, и ему триста лет. Его носил старый князь Борис. Большая редкость. Десять лет назад вы взяли бы его за пятьдесят гавво. Но, — старик пожал худыми плечами, — с тех пор как стали приезжать американцы, древности сильно подорожали. Дешёвое им не нужно.

— Даю сто долларов, мистер… э-э… — Тракстон глянул на вывеску на распахнутой двери, — мистер Шпанц.

— Всего доброго, сэр. — Старик с поклоном указывал ему на дверь.

Кингу стало весело.

— Давайте обсудим. Сколько вы возьмёте самое меньшее — настоящими деньгами?

— Мне не нужны ваши деньги. Всего доброго.

Тракстон озадаченно потёр подбородок. За все его странствия не было ещё купца, которого он не сбил бы втрое.

— Это слишком дорого. Мне не по карману, — сказал он с искренним огорчением.

— У меня есть клинки собственной работы, сэр, куда дешевле и ничуть не хуже, — осмелился предложить почтенный мистер Шпанц.

— Вы их сами делаете? — удивился Тракстон.

Старик гордо выпрямил согнутую спину.

— Я оружейник двора, сэр. Мои клинки носит знать — не армия, рад сказать. Армии Шпанц чинит сабли и ружья, а куёт только для придворных господ.

— Понимаю. Традиция.

— Мой прадед ковал клинки для князей сто лет назад. После меня их будет ковать мой сын, а после него — его сын. Это я, сэр, сделал чудесный клинок с золотой рукоятью и золотыми ножнами, который маленький князь носит в торжественные дни. Я работал над ним два года. Другого такого нет на свете. Он так короток, что вы рассмеялись бы, назови его кто оружием, — а между тем его можно согнуть пополам. Вот это была работа, сэр! В рукояти бриллианты и рубины на пятьдесят тысяч гавво. Ах, это…

Глаза Тракстона снова заблестели: внезапная словоохотливость старого оружейника его забавляла. Он поднял руку, останавливая поток слов.

— Послушайте, герр Шпанц — или, может, месье? — вы первый, кто здесь соизволил передо мной разговориться. Я бы с удовольствием поболтал с вами подольше. Как насчёт кружки того отличного пива в саду при кафе напротив? Торговля, похоже, не бойкая. Не могли бы вы… э-э… запереть лавку?

Шпанц пристально посмотрел на него из-под кустистых бровей. Маленькие чёрные глазки, казалось, сверлили его насквозь.

— Позвольте спросить, что привело вас в Эдельвейс? — неожиданно спросил он.

— Скажу честно, мистер Шпанц: я здесь потому, что я немного дурак. Меня сбили с толку ложные надежды. Я думал, Граустарк — родина Романтики, а сам я вроде того чудака из книжки, что всю жизнь искал приключений. Но Граустарк меня подвёл. Скучнее места я в жизни не видел. В субботу уезжаю в Вену.

— Понятно, — захихикал Шпанц, и глаза его весело заблестели. — Вы думали, тут можно ловить прекрасных принцесс, сколько душе угодно, а? Так вот, молодой человек, это чудо удалось только одному американцу — да что там, одному иностранцу вообще. Мистер Лорри приехал сюда десять лет назад и сорвал прекраснейший цветок, какой рос в Граустарке, — красавицу Йетиву. Но он был единственным. Вы, полагаю, удивлены, что Граустарк — крепкая, зажиточная, богобоязненная маленькая страна, где люди мудры, счастливы и верны престолу. И вы уже поняли, что спасать здесь некого. Не то что тогда, когда мистер Лорри приехал и застал её высочество в средневековых затруднениях. Сейчас на престоле князь. Вы его видели?

— Нет. Князья меня не интересуют. Я их повидал сотни по всему свету.

— А вы посмотрите на князя Робина, прежде чем насмешничать. Это самый удивительный маленький человек на свете.

— Только о нём и слышу, любезный мистер Шпанц. Ему семь лет, он похож на мать, у него шпага с бриллиантами и всё такое. Охотно верю, что он славный малыш. Американская кровь, как-никак.

— Не смейтесь над ним при людях, сэр. Народ его боготворит. Посмеётесь слишком громко — и через несколько минут получите полные руки приключений, а в придачу добрую порцию хорошей стали в бок. Мы очень гордимся нашим князем.

— Прошу прощения, мистер Шпанц. Я не хотел оскорбить его величество… то есть высочество. Мне просто скучно, вот и всё. Вы бы тоже злились, если бы проехали столько, сколько я, и получили так мало. Подумайте сами: сегодня утром этот проклятый человек от Кука привёл в замковый парк двадцать две души — американских учительниц и знатоков Библии, а я два часа простоял на цыпочках под стеной, пока мне дали пропуск! Американские инженеры строят новую железную дорогу, американский капитал владеет телефоном и электростанцией, на площади Регенгетц — два американских синематографа, через два квартала — американская срочная прачечная. А бурбон можно купить где угодно. Тошно смотреть.

— Американцы много сделали для Эдельвейса, сэр. Мы не сердимся на их предприимчивость. Они дали нам новшества и не тронули старых обычаев. Мы, мой юный господин, народ очень старый — и очень честный. Кстати, это напоминает мне, что я должен принять ваше любезное приглашение. Позвольте одну минуту, сэр.

Старик удалился в глубь лавки и кого-то окликнул наверху. Ответил женский голос; короткий разговор шёл на языке, которого Кинг не знал.

— Моя племянница присмотрит за лавкой, пока меня нет, — пояснил Шпанц, снимая шляпу с колышка за дверью.

Тракстон едва сдержал улыбку, разглядывая своего странного маленького гостя. На вид тому было восемьдесят, а прыти — как у сорокалетнего. Отличная компания для двадцатишестилетнего искателя приключений!

У двери они задержались, пока в глубине лавки не появилась племянница. Первый взгляд Кинга был мимолётным. Второй — изумлённым.

Из сумрака в конце лавки медленно выходила молодая женщина поразительной красоты, одетая в чёрное с красным, как одеваются в Граустарке люди среднего сословия. Она едва скользнула по нему взглядом, без всякого интереса, и бесшумно прошла за прилавок, почти к самому его локтю. Сердце у Тракстона весело подпрыгнуло. Первая по-настоящему красивая женщина в Эдельвейсе — и, разрази его гром, племянница оружейника!

Старик зорко глянул на него, и в путанице морщин мелькнула и пропала быстрая усмешка. Вместо того чтобы сразу выйти, Шпанц задержался, будто вспомнил, что нужно дать девушке ещё какое-то поручение. Тракстон Кинг, будьте уверены, вперёд него на улицу не вышел. Он учтиво снял шляпу и ждал, пропуская старость вперёд, а сам тем временем невозмутимо любовался лицом удивительной племянницы.

Ему даже показалось, что старик нарочно даёт ему время её рассмотреть — и следит, как он смотрит. Впрочем, он тут же об этом забыл.

За столиком в саду при кафе он выжидал случая расспросить старика о девушке, не обидев его. Где-то в его впечатлительной голове уже росла надежда, что эта прелестная юная особа с мечтательными глазами — не просто продавщица. В тот краткий миг ему почудились в ней осанка и достоинство настоящей аристократки.

Старик над огромной кружкой пива был должным образом благодарен. Он готов был отплатить за угощение подробной историей Граустарка — прошлого, настоящего и будущего, от татарского владычества до так называемого «американского нашествия». Его пылкие опи-

сания маленького князя, может, и увлекли бы Тракстона во времена, когда тот сам ходил в бархатном костюмчике маленького лорда Фаунтлероя. Но сейчас он был занят куда более приятным делом: гадал, кто же на самом деле девушка из оружейной лавки. Ему вспомнилось, что когда-то граустаркская княгиня путешествовала по свету инкогнито, под именем мисс Гуггеншлоккер, — и романтически досталась счастливчику-американцу по фамилии Лорри. А вдруг эта девушка… Ну, на княжну надеяться не приходится. Но графиня — почему бы и нет?

Старик между тем продолжал:

— Молодой князь, сэр, почти всю жизнь прожил в Вашингтоне, Лондоне и Париже. Ему всего семь. Вы, конечно, помните страшное несчастье, что сделало его сиротой и посадило на престол при трёх «мудрецах с Востока» — регентах. Крушение под Брюсселем, сэр! Его мать, несравненная княгиня Йетива, погибла на месте, а отец, мистер Лорри, умер от ран на следующий день. Для Граустарка это был страшный удар. Мы любили княгиню и восхищались её прекрасным мужем-американцем. Другой такой пары уже не будет, сэр. И погибнуть так ужасно… Их вагон разнесло в щепки. Не стану вдаваться в подробности — вы, верно, их знаете. Маленького князя сохранил сам Бог. Он ехал с ними из Лондона в Эдельвейс. По какому-то чудесному промыслу он вместе с гувернанткой и частью свиты ушёл в багажный вагон в голове поезда, а поезд стоял на запасном пути ниже станции. Удар пришёлся сзади: из-за лопнувшего рельса паровоз врезался прямо в вагон княгини. Спасение маленького князя сохранило династию. Погибни и он — династия бы пресеклась, и, не открою никакой тайны, сэр, за ней последовала бы новая форма правления.

— Какое же?

— Более современное, сэр. Может быть, социалистическое. Не знаю. Во всяком случае, новую династию народ бы не принял. Но князь Робин спасся — и, скажу я вам, сэр, это самый мужественный маленький князь на свете. Видели бы вы, как он ездит верхом, фехтует и стреляет, — а ему всего семь!

— Послушайте, мистер Шпанц, я ведь не сказал вам, что ваша племянница удивительно краси…

— Так вот, сэр, — перебил Шпанц так выразительно, что Тракстон покраснел, — маленький князь — кумир всего народа. По условиям регентства он обязан жить в княжестве до пятнадцати лет, и только потом ему позволят путешествовать. Граустарк намерен сберечь его для себя, насколько это в его силах. И горе тому, кто злоумышляет против маленького князя Робина.

Кинг вдруг почувствовал на себе необыкновенно пристальный взгляд старика. По спине пробежал странный, необъяснимый холодок; на кратчайший миг ему почудилось, что какая-то тайная сила взяла его в железные тиски. Что это было, он не смог бы сказать; ощущение тут же прошло. Может, что-то в глазах старика? Или в странной улыбке, скользнувшей по его губам?

— Дорогой мистер Шпанц, — поспешил сказать он, будто нуждался в оправдании, — не подумайте, что я желаю князю зла. Наверняка он славный малыш, и мне жаль, что он… э-э… потерял родителей.

Шпанц рассмеялся — тихо и безрадостно, словно что-то булькнуло у него в горле, — и Тракстон удивился, зачем он вообще смеётся.

— Полагаю, американцев его высочеству бояться нечего, — негромко сказал он. — Его учили любить и уважать соотечественников отца. Америку он любит не меньше Граустарка.

Слова звучали искренне, но Тракстон смутно уловил в голосе старика странную резкость. Он быстро взглянул ему в лицо — и впервые заметил в этой дублёной физиономии что-то зловещее, даже злое: в жёсткой улыбке проступило что-то вкрадчивое, и она тут же обернулась откровенной ухмылкой. И в голове американца молнией мелькнула уверенность: между этим кремнёвым стариком и нежной, утончённой девушкой из лавки не может быть ничего общего.

Теперь он вспомнил, что в её тёмных глазах таились печаль и уныние, а лицо — странно бледное и без тени улыбки.

Шпанц пристально наблюдал за ним.

— Похоже, наша княжеская семья вас не занимает, — холодно заметил он.

Тракстон поспешил заверить, что очень даже занимает — особенно теперь, когда он понял, что маленький князь последний в роду.

— Делами государства ведают три регента, сэр: граф Хальфонт, герцог Перс и барон Ясто Данглосс, министр полиции. Граф Хальфонт приходится князю двоюродным дедом — через брак. Герцог Перс — отец несчастной графини Ингомеды, юной красавицы-жены изгнанного Железного графа Марланкса. Вы, верно, слышали о нём.

— Читал кое-что. Старый повеса и негодяй, кажется? Помнится, несколько лет назад о нём много писали. Его ведь выслали из княжества, а поместья отобрали в казну?

— Совершенно верно, сэр. Его изгнали в тысяча девятьсот первом году, и теперь он живёт в своих австрийских владениях. Три года назад в Будапеште он женился на Ингомеде, дочери герцога. У графа Марланкса большое влияние при австрийском дворе. На родине его презирают, но в правящих кругах не одной империи он по-прежнему многое значит. Герцог Перс это понимал, когда заставил дочь пойти за него. Прекрасной Ингомеде нет и двадцати пяти, а Железному графу добрых семьдесят.

— Её бы следовало спасти, — только и сказал Кинг, но в его спокойных серых глазах безошибочно вспыхнул интерес.

— Спасти? — переспросил старик с широкой ухмылкой. — Это зачем же? Она хозяйка одного из лучших старинных замков Австрии, замка Марланкс, и достаточно красива, чтобы завести себе поклонников десятками, когда граф станет чуть слепее и чуть менее ревнив. Сейчас она в Эдельвейсе, гостит у отца. Граф сюда никогда не приезжает.

— Хотел бы я на неё взглянуть, если она и правда красавица. Во всём этом треклятом городе я видел одну красивую женщину — вашу племянницу, герр Шпанц. А уж я смотрел внимательно. Она чрезвычайно привлека…

— Простите, сэр, но в Граустарке не принято обсуждать наших женщин в питейных заведениях.

Кинг почувствовал себя так, будто получил пощёчину. Он густо покраснел под загаром и пробормотал какое-то извинение.

— Графиня, впрочем, лицо публичное, о ней говорить можно, — быстро продолжал старик, пока смущённый американец подзывал официанта долить кружки.

Стальной блеск, вспыхнувший в глазах оружейника при втором упоминании о племяннице, погас так же быстро, как появился. Но осталось впечатление, что старик отлично умеет обращаться со смертоносными клинками, которые куёт.

— Расскажите о ней ещё, — пробормотал мистер Кинг. — Всё что угодно, лишь бы убить время, мистер Шпанц. Я ведь ехал в такую даль, в страну прекрасных женщин, — и если тут хоть одну можно увидеть, я с радостью ухвачусь за случай. Два дня я здесь, и ничто не заставило моё сердце даже слегка трепыхнуться.

— Красавиц Эдельвейса вы на улицах не найдёте, сэр.

— Они что, никогда не ходят за покупками?

— Едва ли. Заметьте: купцы сами возят товар в дома знати и богачей. Знатная граустаркская дама скорее сядет в вагон третьего класса, чем переступит порог лавки или базара. Поверьте, в домах на Замковом проспекте немало красавиц. Женихи едут к ним за сотни миль.

— И всё-таки мне здесь надоело. Не стоит этот город своей славы. В субботу я уеду.

— Завтра гарнизон крепости проходит парадом перед князем. Окажитесь к часу дня на проспекте у замковых ворот — и увидите всю красу и доблесть Граустарка. На параде будут не одни солдаты. — В его голосе прозвучала явная издёвка.

— Вы, я вижу, не большой поклонник высшего света, — улыбнулся Тракстон.

Глаза Шпанца на миг полыхнули — и тут же снова умильно заблестели.

— Не всем же быть павлинами, — тихо сказал он. — Вы увидите князя, его двор и всех знатных людей города и армии. И увидите, что у колеса княжеской кареты едет американец, а граустаркские вельможи — на местах поскромнее.

— Американец?

— Да. Неужели вы не слышали о Джоне Таллисе, друге князя?

— Ещё один семилетний?

— Вовсе нет. Взрослый мужчина, сэр. Он, ваш соотечественник, — подлинная власть за нашим троном. На смертном одре отец князя поручил сына этому американцу и умолял не оставлять мальчика, пока тот не сможет постоять за себя сам. Как будто в Граустарке не нашлось бы верных людей, способных на то же самое!

Кинг оживился.

— Понятно. И народу, конечно, не по душе такая опека?

Шпанц смерил его уничтожающим взглядом: только дурак задаёт такие вопросы в людном месте. Не ответив, он поднялся из-за стола.

— Мне пора. Я и так задержался. Благодарю вас, сэр, за доброту к старику. Всего доброго, сэр, и…

— Постойте! Я, пожалуй, пройдусь с вами и ещё раз взгляну на палаш. Я…

— Завтра, сэр. Лавку давно пора закрывать. Приходите завтра. Всего доброго.

И он проворно засеменил прочь, прежде чем Кинг успел возразить. Разочарованно вздохнув, американец откинулся на стуле и смотрел, как странный старик спешит через площадь.

Вдруг ему стало не по себе: кто-то пристально смотрел ему в спину. Он обернулся и встретился глазами со свирепого вида маленьким человечком военной выправки за соседним столиком. Человечек не отвёл взгляда, и в этом взгляде было что-то настолько личное, что в конце концов глаза пришлось отвести самому Тракстону — со смущением и досадой. Тут подошёл официант со сдачей.

— Кто это, чёрт побери, за тем столиком? — громко спросил молодой мистер Кинг.

Официант принял до крайности дерзкий вид.

— Это барон Данглосс, министр полиции. Что-нибудь ещё, сэр?

— Да. Чего он на меня так уставился? Думает, я карманник?

— Вам это известно не хуже, чем мне, сэр, — только и ответил официант.

Кинг сунул в карман монету, которую собирался ему оставить, и демонстративно ушёл. Но ощущение, что пристальный взгляд барона Данглосса — сторожевого пса страны — провожает его, не отпускало, пока он не скрылся за углом.

Рассерженный американец невольно глянул через площадь, туда, где стояла лавка Шпанца. Трое конных солдат подъехали к тротуару и окликнули оружейника, который как раз закрывал двери. Тракстон неспешно пошёл через площадь — и вдруг поднял глаза к окну второго этажа над лавкой.

Удивительная девушка осторожно приоткрыла ставень и смотрела вниз, на троих гвардейцев в красных мундирах. И почти в тот же миг её быстрый, живой взгляд упал на высокого американца, оказавшегося совсем рядом со всадниками. Он увидел, как её тёмные глаза расширились, будто от удивления. В следующую секунду у него перехватило дыхание, и он едва не остановился как вкопанный.

На её алых губах мелькнула робкая, порывистая улыбка — и осветила нежное лицо так, что он был поражён. Потом ставень мягко и быстро закрылся.

Первый восторг тут же сменился тревожной мыслью: улыбка была не приветливой, а насмешливой. У него запылали уши. Он резко свернул направо — почему-то он точно знал,

что она подглядывает за ним сквозь жалюзи и что его длинная нескладная фигура кажется ей ужасно смешной.

Как вы уже поняли, Тракстон Кинг, человек с воображением, немедленно назначил эту стройную девушку единственно возможной героиней своего будущего романа. А раз так, её никак нельзя было заподозрить в развязности или в недостатке достоинства. К тому же первое впечатление всегда самое верное: с первого взгляда она показалась ему девушкой редкой деликатности и благородства.

А барон Данглосс тем временем украдкой наблюдал за ним из сада при кафе, с другой стороны площади.

ГЛАВА II

В которой маленький князь заседает на стопке законов, грозит изгнанием герцогу и роняет стек

Граустарк в эти дни процветал. Делами правило толковое министерство во главе с почтенным графом Хальфонтом. Казну вскоре после гибели княгини Йетивы и её мужа-американца принял герцог Перс — финансист с большим именем, много лет проживший в Петербурге. Начал он с того, что снизил налоги, а значит, и сократил армию, — и простой народ его полюбил. Потом заключил выгодные договоры со старыми, ещё дедовскими врагами, и кредит Граустарка в европейских столицах взлетел. Если при этом герцог не забывал и о собственном кармане, никто не косился: он ничего не скрывал. Скуп был старик, но честен, — и народ спокойно доверял ему свои дела.

На его долю выпала и великая железная дорога. Она должна была пройти от Серроса, столицы Давсбергена, через горы и ущелья Граустарка и широкие степи Аксфайна туда, где Россия уже готовилась тянуть ветку к своей великой магистрали до Тихого океана. Около двухсот миль пути, из них две трети — по Граустарку, и все самые дорогие: туннели, мосты, перевалы. Давсбергенский и аксфайнский концы давно были готовы и ждали, пока Граустарк пробьётся сквозь свои горы. Для маленького государства, которое само владеет своими дорогами и телеграфом, — предприятие неслыханное.

Сейчас министерство готовило новый заём в пять миллионов гавво. Посланцы правительства собирались в Лондон и Париж, к великим банкирским домам. Петербургу и Берлину эти превосходные бумаги не достанутся. А не достанутся они потому, что так решил человек совершенно посторонний — американец Джон Таллис, старый друг покойного князя-консорта Гренфолла Лорри.

Таллису не было и сорока, а в Нью-Йорке его уже числили среди самых хватких финансистов. И вот на самом пике успеха он, с донкихотским пренебрежением к последствиям, бросил дела и переехал в Граустарк. Так он обещал Лорри, когда тот умирал в маленькой гостинице под Брюсселем.

Дружили они всю жизнь. Таллис в шутку называл себя «морганатическим крёстным» маленького князя. Два года он жил в старом замке, через коридор от покоев Робина, и был для этого крошечного, но очень важного монарха «дядей Джеком» — самым любимым и самым гонимым человеком в Граустарке. Раз по десять в неделю юный правитель торжественно изгонял его из княжества, а когда дядя Джек заговаривал о том, чтобы и правда собрать «пожитки», с большим достоинством и парой слезинок возвращал обратно.

Ленивая, сладкая жизнь при крошечном дворе пришлась Таллису по вкусу. Когда положенный траур по княгине и её мужу кончился, он с удовольствием окунулся в здешнее веселье: после деловой нью-йоркской суеты оно казалось ему долгим, чудесным сном. Умный, красивый, искренне преданный этому народу на дальнем востоке Европы, он быстро стал всеобщим любимцем. Министры охотно звали его на совет и редко с ним спорили, а сам он никогда не советовал, пока не спросят, — за это его и уважали все, от вельмож до лавочников. Он бывал в самых закрытых домах Эдельвейса, не раз запросто наносил визиты старой княгине Волге в соседний Аксфайн и ездил охотиться к молодому князю Дантану в Давсберген: жена Дантана, американка, бывшая мисс Кэлхун из Вашингтона, была его давней приятельницей.

Не любил Таллиса во всём правительстве только один человек — герцог Перс. Уже не раз кабинет предпочитал советы американца советам министра финансов. Заём в Лондоне и Париже — тоже его идея, хоть высказывал он её только за дверями зала совета. Таллис убедил всех, что Граустарку нельзя залезать в долги к русским: рано или поздно дорога окажется у них в руках. Мудрые граустаркские головы поняли это без долгих уговоров и провалили в

парламенте предложение герцога. С того дня у Таллиса был враг — и при враге немалая свита депутатов.

Но в Эдельвейсе Таллис жил не ради политики. Он жил здесь ради мальчика, которого любил, баловал и отчитывал — словом, растил из него мужчину. Сказать, что маленький князь любил своего большого наставника, — значит ничего не сказать: он его боготворил. Таллис был ему отцом, матерью и старшим братом разом.

Американец был крупный, широкоплечий, рыжеватый и румяный, с холодными серыми глазами и коротко подстриженными песочными усами. В покое его лицо казалось хмурым, почти суровым, — но стоило ему улыбнуться, и мужчины становились ему друзьями. А женщины — нередко и больше чем друзьями.

Одна женщина в Граустарке занимала его всё сильнее. Увы, она была женой другого. Более того — дочерью герцога Перса.

Юная и остроумная графиня Марланкс часто приезжала в Эдельвейс и была любимицей замка, несмотря на дурную славу своего старого, опозоренного мужа, Железного графа. Самого графа Таллис не видел, но наслушался о нём столько, что не мог не жалеть прелестную женщину, которой выпало называть его мужем. А жалость, как известно, ближайшая родня совсем другому чувству. Нет, Таллис не был влюблён. Он просто очень ею интересовался — и очень огорчался, что она связана со старым негодяем, который не смеет ступить на землю Граустарка, потому что однажды чудовищно её осквернил.

Но о графине — позже, с позволения читателя.

А сейчас нам позволено заглянуть на заседание кабинета. Кабинет собирается в тёмной маленькой приёмной рядом с тронным залом, в стенах, увешанных гобеленами. В городе эту комнату зовут «Комнатой препирательств». Десять часов утра того самого дня, когда князь принимает парад гарнизона. Обсуждается всё тот же заём в пять миллионов гавво.

Во главе длинного стола, на стопке сводов законов, увенчанной красной подушечкой, восседает князь, почти потерявшийся в огромном старинном ореховом кресле своих предков. Вдоль стола — десять министров. Все они любят красивого мальчика на стопке законов — и все более или менее равнодушны к его выразительным зевкам и озадаченно нахмуренным бровям.

Князь был крепкий кудрявый мальчуган с большими карими глазами и прискорбно заметной царапиной на носу. Царапину он заработал не на государственной службе: съезжая на вторую базу в одной американской игре, которой он учил юную аристократию. Волнистые каштановые волосы бунтовали, и никакие придворные няньки не могли их пригладить. Мальчик он был временами очень нехороший — за что его все и любили. Ударить принца крови считалось чуть ли не государственной изменой, и всё же, будь у меня место, я мог бы рассказать не об одной драке за княжескими конюшнями, из которых князь выходил с помятым достоинством и сильно пересмотренным мнением о некоторых мелких сорванцах — от силы герцогах или баронах. Поражения он сносил по-мужски и не хныкал об оскорблении величества. Дядя Джек презирал мальчишек, которые не умеют «держать удар». Поэтому князь Робин держал его с достоинством — на то он и князь.

Сегодня он держался величаво — для него даже непривычно, до тяжеловесности. Пару раз он, может, и моргнул осоловелыми глазами, но в основном был очень внимателен, очень осмотрителен и очень озадачен. По обычаю, правящий князь или княгиня председательствует в совете. Нужно ли говорить, что обязанности нынешнего правителя заканчивались, как только он повторял за графом Хальфонтом: «Господа, заседание открыто». Классная комната, признавался он, просто праздник по сравнению с Комнатой препирательств: там хоть перемены бывают, а тут — разве что когда уснёшь.

Сегодня он твёрдо решил держаться солидно. На прошлом заседании он опрокинул чернильницу, пытаясь заправить вечное перо без пипетки, и добрых полпинты чернил выплесну-

лось на брюки герцога Перса. Серые, между прочим. Герцог тогда объявил при всём совете, что его высочеству не помешала бы хорошая порка. Князь был глубоко уязвлён и пожалел, что чернил не хватило утопить герцога целиком.

За столом сидели три регента и другие высшие сановники — среди них генерал Браз — военный министр, барон Пульц — министр горного дела и Рослон — министр земледелия. Герцог Перс говорил о займе. Князь следил за его худым, мрачным лицом с необычным интересом.

— Разумеется, ещё не поздно отменить решение, принятое на прошлом заседании. В Петербурге пять банкиров готовы дать деньги немедля. Нам незачем ждать целую вечность, пока соизволят обратить на нас внимание французы и англичане. Говорить, будто у России в этом деле тайные умыслы, — сущий вздор. Это коммерция, а не политика. Деньги нужны нам до зимы. Дорога в пятнадцати милях от Эдельвейса. Мосты и туннели почти готовы. Средства тают — только потому, что мы так долго тянули с займом. Слишком много препирательств, слишком много пустой политики. Я по-прежнему утверждаю, что мы ошиблись, отказавшись от Петербурга и Берлина. Почему мы предпочитаем Англию? Почему Францию?

По какой-то необъяснимой причине он с силой ударил кулаком по столу и вперил грозный взгляд в изумлённого князя. Мальчик ахнул и открыл рот. Потом, видимо, сообразил, что на вопрос, заданный так прямо, ответить может только тот, кому он задан. Он вскинул подбородок и звонко, с жаром, поразившим даже пылкого Перса, выпалил:

— Потому что так сказал дядя Джек, вот почему!

Что последовало сразу за этим, история умалчивает: есть вещи, которые не просачиваются наружу, как бы ни старался летописец. Если учесть, что это был первый вопрос, заданный князю прямо, — да ещё такой, который он понял, — ответ ему можно простить. За некоторых членов кабинета не ручаюсь. Сам того не ведая, мальчик в коротких штанишках сказал правду, которую никто не решался произнести вслух: Джон Таллис был для кабинета одновременно и опорой, и камнем преткновения.

Разумеется, невинный ответ открыл дорогу язвительному разговору о Джоне Таллисе. Если у этого джентльмена горели уши от колкостей герцога Перса и барона Пульца, то, вероятно, приятно пощипывали от горячей защиты Хальфонта, Данглосса и прочих. А его преданнейший друг, князь, мрачно сомкнувший губы после своего первого и столь неудачного выступления, с огромным трудом сдерживал разом и язык, и слёзы. Губа у него дрожала, но карие глаза сверкали. Он сидел пристыженный и слушал, как поносят его лучшего друга, и чувствовал, что настоящий мужчина на его месте подошёл бы и пнул герцога Перса, — и с отчаянием понимал, что это невозможно. Он не сводил глаз с худого лица обидчика. Как же он ненавидел герцога Перса!

Пламенная речь герцога ни к чему не привела. Коллеги не желали пускать жадную русскую руку в дела страны — по крайней мере, пока — и подтвердили своё решение искать деньги в Англии и Франции. Пересматривать вопрос в парламенте не станут. Герцог сел, бледный от поражения; сердце его ещё сильнее ожесточилось против хитрого американца, который заставил всех этих людей смотреть на дело его глазами.

— Что ж, плетью обуха не перешибёшь, — кисло сказал он. — В будущем месяце я отправлю наших людей в Лондон и Париж. Надеюсь, господа, разместить там заём не составит труда.

Сухой тон, каким это было сказано, говорил о многом.

— Не вижу причин для тревоги, — сказал граф Хальфонт. — Наш кредит по-прежнему хорош, ваша светлость. Россия не единственная страна, готовая доверить нам несколько миллионов. Не беспокойтесь.

— Меня беспокоит промедление, ваше сиятельство.

Тут князь, поняв по лицам министров, что вопрос решён в его пользу, наклонился вперёд и объявил своему дяде, премьер-министру:

— Я устал, дядя Каспар. Долго ещё?

Граф Хальфонт кашлянул.

— Кхм! Ещё несколько минут, ваше высочество. Потерпите, э-э… мой маленький.

Князь Бобби вспыхнул. Когда его называли «мой маленький», он всегда понимал, что с ним разговаривают свысока.

— У меня назначена встреча, — сказал он, выпрямив спину.

— Вот как? — сухо отозвался герцог.

— Да, ваша светлость. Очень важная. Конечно, если надо, я останусь, но… который час, дядя Каспар?

— Половина двенадцатого, ваше высочество.

— Батюшки, у меня свидание в одиннадцать! То есть встреча. — Он беспомощно, умоляюще перевёл взгляд с графа Хальфонта на барона Данглосса, своих известных союзников.

Герцог Перс мрачно улыбнулся. С изысканнейшей учтивостью он поднялся, обращаясь к измученному князьку, который беспокойно ёрзал на стопке законов.

— Дозволено ли покорнейшему из подданных вашего высочества осведомиться, что это за встреча?

— Дозволено, ваша светлость, — сказал князь.

Герцог ждал. В глазах остальных заиграли улыбки.

— Так что же это за встреча?

— Мы с дядей Джеком договорились покататься верхом в одиннадцать.

— И вы полагаете, что «дядя Джек» рассердится, если его задержит такой пустяк, как заседание кабинета, к несчастью затянувшееся?

— Я не очень понял, что это значит, — пробормотал князь. Потом лицо его просияло. — Но, по-моему, он не надуется, когда я расскажу, как мы тут заработались.

Герцог прикрыл рот рукой.

— Я думаю, полчаса он подождёт, а?

— Он любит, чтобы я был очень точным.

Граф Хальфонт добродушно вмешался:

— На сегодня у нас больше ничего нет, ваша светлость, так что, полагаю, заседание можно закрыть. По-моему, довольно нелепый обычай — держать князя с нами и после открытия. Разумеется, ваше высочество, мы не хотим сказать, что вам неинтересны наши важные рассуждения.

— Дядя Джек говорит, что мне обязательно надо интересоваться, хочу я или нет, — горячо перебил князь Бобби. — Он говорит, иначе ни в чём не разберёшься и не станешь настоящим князем. Понимаете, дядя Каспар, мне ещё многому надо научиться.

— Да, ваше высочество, многому, — торжественно согласился премьер. — Но я уверен, вы научитесь.

— С таким превосходным наставником, как дядя Джек, ваше высочество скоро будет знать больше мудрейшего мужа в княжестве, — добавил герцог Перс.

— Благодарю вас, ваша светлость, — так вежливо ответил князь, что герцог растерялся. — Я знаю, дядя Джек будет рад это услышать. Он… он боится, как бы люди не подумали, что он суёт нос куда не просят.

— Суёт нос? — ахнул премьер.

Тут герцог Перс снова вскочил, и глаза его гневно блеснули.

— Господа, — торопливо начал он, — вы, несомненно, и сами давно заметили, что английский нашего возлюбленного князя — который, по-видимому, и есть его родной язык — оставляет желать лучшего. «Суёт нос»! Вчера я слышал, как он посоветовал вашему сыну,

Пульц, «катиться колбаской». А когда ваш сын покатился — честное слово, покатился! — что сказал наш князь? Что вы сказали, князь Робин?

— Я… я забыл, — пролепетал князь Бобби.

— Вы сказали: «Чепуха на сливочном масле»! Или…

— Нет, ваша светлость. На постном. Я вспомнил. Так все мальчишки в Вашингтоне говорят.

— Боже нас сохрани! Неужели дошло до того, что князь Граустарка растёт с такими словами на устах? Полагаю, господа, вы все согласитесь, что с этим надо что-то делать. Дело слишком серьёзное. Мы все в ответе перед народом, которым ему править. Мы не вправе оставлять его под… э-э… влиянием, которое его теперь окружает. Он… он вырастет варваром! Ради всего святого, господа, подумаем о будущем князя — и решим немедля!

— Что он говорит, дядя Каспар? — свирепо зашептал князь.

— Тсс! — остерёг граф Хальфонт.

— Не буду «тсс»! Я князь. И буду говорить «катись колбаской», когда захочу. Это хороший английский. Я могу сказать это и на нашем языке, чтобы вы поняли, как это звучит. Вот так…

— Не нужно примеров, ваше высочество, — поспешно сказал премьер. И холодно обернулся к герцогу: — Признаю мудрость ваших слов, ваша светлость, но — вы, конечно, меня простите — не лучше ли обсудить это сперва между собой, а уж потом официально?

— Этот проклятый американец всех загипнотизировал! — взорвался герцог. — Его влияние на мальчика — угроза стране. Он делает из него болвана — нахального, развязного маленького…

— Ваша светлость! — резко оборвал его барон Данглосс.

— Дядя Джек хороший, — заявил князь, смутно чувствуя, что пора вступиться.

— Вот как? — проскрежетал разгорячённый герцог, утирая лоб.

— Ещё какой! — отрезал князь с такой окончательностью, что сомнений не оставалось.

Говорят, свирепый маленький барон Данглосс, давясь от смеха, закашлялся так внушительно, что на миг все усомнились, выживет ли он.

— Он шарлатан и проныра, вот он кто! И чем скорее мы это поймём, тем лучше! — бушевал герцог. — Ни у кого при дворе нет такого влияния на нашего возлюбленного князя. Ему здесь нечего делать — совершенно нечего! Его присутствие и вмешательство — оскорбление для…

Но князь соскользнул со своей стопки книг и встал рядом с ним так внезапно, что гневные слова замерли у старика на губах. Лицо Робина побелело от ярости, кулачки отчаянно сжались, голос срывался от слёз негодования.

— Вы ужасный старик! — закричал он, дрожа всем телом, с горящими глазами. — Не смейте ничего говорить про дядю Джека! Я… я изгоню вас! Да, сэр! Изгоню, как мама выгнала из страны графа Марланкса! И никогда-никогда не пущу обратно! А перед этим дядя Джек вас как следует отлупит. Он может, вот увидите! Я… я вас ненавижу!

Герцог в изумлении смотрел на пылающее, искажённое гневом личико своего маленького повелителя. На миг он онемел. Потом жёсткие складки на его лице разгладились, а в глазах появилось что-то мягкое — и что-то похожее на гордость. Надо отдать герцогу должное: он был честным бойцом и верным граустаркцем, он любил своего князя и потому радовался его храбрости. Улыбка, прорвавшаяся вопреки его непомерному самолюбию, принесла облегчение всем потрясённым коллегам.

— Ваше высочество хорошо делает, что защищает друга и советника, — мягко сказал он. — Мне жаль, что я забылся в вашем присутствии. Это не повторится. Прошу вас, простите меня.

Но князь Бобби ещё не остыл.

— Я мог бы отрубить вам голову, — упрямо сказал он. — Правда ведь, дядя Каспар?

Граф Хальфонт серьёзно сообщил ему, что отрубать головы джентльменам не принято — разве что за самые страшные преступления против престола.

Герцог Перс вдруг наклонился и положил костлявую руку на плечо князя, который и не подумал отстраниться. Глаза старика светились добротой, голос странно утратил обычную резкость.

— Вы прекрасный маленький человек, князь Робин, — сказал он. — Я горжусь вами. Я не забуду урока верности, который вы мне преподали.

Глаза Бобби наполнились слезами. Искреннее смирение сурового старика тронуло его бурное маленькое сердце.

— Ничего… ничего, гер… ваша светлость. Мне тоже жаль, что я так сказал.

Барон Данглосс энергично подкрутил эспаньолку.

— Господа, предлагаю закончить. Князю нужно успеть на прогулку и вернуться к параду в час.

Когда князь степенно выходил из Комнаты препирательств, все глаза были устремлены на его крепкую маленькую спину, и все до единого светились теплом. Герцог, шедший следом с Хальфонтом, тихо сказал:

— Я люблю его, Каспар. Но не люблю человека, которого он любит куда больше, чем всех нас. Таллис — проныра. Только, ради бога, друг мой, не говорите Бобби, что я опять это повторил.

Чуть позже князь в костюме цвета хаки весело рысил по широкой горной дороге в сторону Ганлука рядом с вороной кобылой Джона Таллиса. Позади ехали трое отборных солдат личной гвардии князя. Князь уже успел рассказать Таллису о своей доблестной защите в Комнате препирательств.

— И я сказал ему, дядя Джек, что вы его отлупите. Ведь отлупите, правда?

Лицо американца на секунду омрачилось; потом, чтобы не огорчать мальчика, хмурость сменилась тёплой улыбкой.

— Да ты что, Бобби, дорогой мой бродяжка, он меня одной рукой уложит.

— Что?! — чуть не взвизгнул князь Бобби в полном смятении.

— Он фехтует лучше меня, понимаешь? Здешние джентльмены дерутся на шпагах, а я о дуэлях ничего не знаю. Два выпада — и мне конец. А на охоте, говорят, он не промахивается ни разу, хоть ему и шестьдесят.

— По-моему… по-моему, вам надо поучиться у полковника Куиннокса. Нельзя, чтобы вас застали врасплох.

— Пожалуй, ты прав.

— Слушайте, дядя Джек, а когда вы меня свозите к ведьме в хижину? — Новая мысль мгновенно вытеснила из его головы всё остальное.

— Скоро, на днях, — сказал Таллис. — Понимаешь, я не уверен, что она сейчас принимает гостей. Ведьмы — народ своенравный. Даже князьям приходится сначала посылать визитную карточку.

— Давайте ей телеграфируем! — вдохновенно предложил князь.

— Я скоро устрою поездку, Бобби. Через перевал ехать трудно, и… и там, где живёт старуха, может оказаться полно гоблинов.

Хижина ведьмы стояла в горах по ту сторону самого дикого из ущелий, и добраться туда можно было только опаснейшей тропой. О старухе с гор ходила тысяча жутких преданий. Таллис считал её всего лишь ловкой гадалкой и ворожеей, знающей все уловки, какими дурачат суеверных. Он у неё бывал и, надо признать, остался под впечатлением. Почему-то ему не хотелось везти князя в хижину среди туманов и скал.

— Говорят, она иногда ест мальчиков, — добавил он, будто вдруг вспомнил.

— Ух ты! А можно мы поедем, когда она как раз будет кого-нибудь есть?

Через час, возвращаясь в замок с монастырской дороги по Замковому проспекту, они проехали мимо высокого загорелого молодого человека, в котором Таллис сразу признал американца. Тот сидел в тени на большом придорожном валуне — видимо, шёл пешком к замковым воротам поглазеть, как съезжается высший свет на парад. Рядом суетился хорошо известный всему городу переводчик от Кука и с жаром показывал ему проезжающих знаменитостей. Приближение князя, конечно, привело человека от Кука в неистовое волнение. Он вскарабкался на валун, сорвал фуражку и отчаянно замахал ею.

— Князь! — закричал он Тракстону Кингу. — Встаньте! Ура! Да здравствует князь!

Таллис уже поднял руку, приветствуя соотечественника, и оба улыбнулись той лёгкой, свободной улыбкой, какой узнают друг друга люди одной породы.

Человек от Кука потерпел крушение. Он соскользнул со своего пьедестала и шлёпнулся на землю — сильно помятый в смысле достоинства, но совершенно целый во всех прочих смыслах.

Горячий пони князя шарахнулся и встал на дыбы. Мальчик выронил стек и храбро вцепился в поводья. Гвардеец мгновенно оказался у морды пони — никакой беды случиться не могло.

Тракстон Кинг распрямился во весь свой длинный рост и с неторопливостью, изумившей человека от Кука, поднял стек, вышел на дорогу и подал его мальчику в седле.

— Спасибо, — сказал князь Бобби.

— Не за что, — ответил Тракстон Кинг со своей самой обаятельной улыбкой. — Никакого труда.

ГЛАВА III

В которой Тракстон Кинг остаётся в Эдельвейсе, а барон Данглосс угощает его джулепом и всем, что о нём знает

Тракстон Кинг посмотрел на парад гарнизона. Для человека, видавшего лучшие войска мира, зрелище было так себе: тысяча старательных солдат, гордых тем, что маршируют перед маленьким князем, — и всё.

Но, к счастью для нашей повести, в тот тёплый июльский день на парад вышли не одни солдаты в красном с чёрным. Тракстон Кинг впервые увидел граустаркскую знать — и передумал ехать в Вену субботним экспрессом. Многие молодые люди до него, как мне достоверно известно, меняли свои скромные планы по той же самой причине.

Двор во всём блеске растянулся по тенистому Замковому проспекту: в каретах и шарабанах, в автомобилях и верхом. У мистера Кинга закружилась голова, а сердце запрыгало. Оазис вырос перед ним как раз тогда, когда он совсем отчаялся в бесплодной пустыне Романтики: зелёные деревья, сверкающие ручьи… Нет, ни в какую Вену он не поедет. Он остаётся в Эдельвейсе. Он был учеником мистера Микобера — и, будучи куда моложе этого почтенного джентльмена, имел все основания верить, что «что-нибудь да подвернётся».

Сбеги Тракстон Кинг в Вену, этой истории бы не было. Вместо повести о приключениях молодого джентльмена в далёком Граустарке нам пришлось бы рассказывать о нью-йоркском свете: по старой традиции мы обязаны идти за героем, куда бы он ни направился. Слегка напуганный тем, как близко он был к провалу, Тракстон признался своему знакомцу из конторы Кука, что никогда бы себе не простил, если бы уехал завтра.

— Я не знал, что вы передумали, сэр, — удивился мистер Хоббс.

— Конечно, не знали, — сказал Тракстон. — Откуда вам знать? Я только что передумал, вот сию минуту. Две минуты назад я и сам не знал. Нет, Хоббс — или Доббс? Спасибо, — нет, сэр, я остаюсь на… ну, на неделю-другую. Где эти люди, чёрт побери, прятались всё это время? Я их раньше не видел.

— Так это же знать, сэр, высший свет. Они не шатаются по улицам, как туристы и зеваки, — с явным презрением отозвался Хоббс.

— Я думал, вы англичанин, — заметил Кинг с насмешливой улыбкой.

— Англичанин, сэр. Не могу удержаться, говорю «зеваки», хоть слово и ужасное. Другого для них не подберёшь, сэр. Маленький князь их тоже так зовёт. Видите ли, они для него вроде развлечения, и мне положено всячески это развлечение поддерживать. Когда у меня группа, я звоню в замок, что везу толпу, и вывожу их сюда, в парк, — а мистер Таллис выводит князя на проспект. Князь говорит, что просто обожает смотреть, как мимо идут зеваки. Мальчику очень весело, сэр. Он ни одной группы не пропускает — хотите верьте, хотите нет, он мне сам это сказал. Да, сэр, князь не раз удостаивал меня словечком, ей-богу.

Кинг посмотрел на румяное лицо коротышки и увидел на нём тот особый восторг, что произрастает только в монархиях. Он помедлил — и из мелкого желания испортить Хоббсу торжество сказал:

— А я обедал с президентом Соединённых Штатов.

Хоббс вежливо остался равнодушен.

— Не сомневаюсь, сэр, — сказал он. — Обед, наверное, был превосходный.

Кинг моргнул и снова уставился на процессию. Он начинал понимать, чем на самом деле люди отличаются друг от друга.

— Скажите, кто это проезжает — дама в виктории? — вдруг спросил он.

— Это графиня Марланкс.

— Ого! Я думал, королева!

Хоббс пустился в подробности о прекрасной графине. Все полтора часа парада он показывал Кингу важных особ и про каждую рассказывал, как путеводитель Бедекера, — с пелёнок и до сего дня, — вполне утоляя любопытство мистера Кинга и одновременно разжигая его аппетит.

Когда всё кончилось, Тракстон со словоохотливым переводчиком, которого он нанял на этот день, не спеша вернулись в центр города. С Кингом что-то случилось. Старый город из прозаического скопища лавок и улиц превратился для него в настоящую площадку для Золушек и прекрасных принцев. Женщины в его взбудораженном воображении разом стали сияющими созданиями, к чьим ногам упасть — счастье, а служить им — блаженство. Мужчины стали теми самыми рыцарями, что звали его со страниц детских книжек. Вот они, рыцари и дамы, о которых он мечтал и которых уже не надеялся увидеть наяву!

Хоббс между тем рассказывал, как все стараются развлечь маленького князя, перед которым склоняют колени эти почти мифические существа.

— Каждые несколько дней в замковом парке выступают придворные акробаты. На той неделе цирк Танторы даст для него закрытое представление. Есть марионетки, есть Петрушка, и всё, что показывают в парижском Гран-Гиньоле, тут прелестно разыгрывают. Каждый день после обеда играет дворцовый оркестр, а вечером ему рассказывают о доблестных князьях, что сидели на престоле до него. Он ездит верхом, играет в бейсбол и крикет, плавает, стреляет — и, поверьте моему слову, сэр, уже берёт уроки фехтования у полковника Куиннокса, начальника замковой гвардии. Мистер Таллис, американец, ведает его… ну, скажем, воспитанием и развлечениями. Из него хотят вырастить чудесного князя, вот и начинают с азов. Чудесный малыш, сэр. Что вы говорите, сэр?

— Я как раз собирался спросить, не знаете ли вы чего-нибудь о молодой женщине, которая иногда сидит в лавке у Вильгельма Шпанца, оружейника.

Хоббс оживился.

— Красавица, сэр, даю вам слово.

— Это я знаю, Хоббс. Но кто она?

— Вот этого не скажу, сэр. Племянница его, говорят. Живёт здесь чуть больше месяца. Кажется, из Варшавы.

— Ну, тут мы и простимся. Если завтра вы свободны, сходим в замковый парк и — кхм! — осмотримся там. Приходите в гостиницу пораньше. А я в оружейную лавку. Пока!

Пересекая площадь с головой, полной красавиц, Тракстон говорил себе в каком-то диком упоении: «Голову даю на отсечение, эта девушка вовсе не та, за кого себя выдаёт. Она похожа на тех, кого я сейчас видел. У неё все повадки настоящей леди. Меня не проведёшь. Я узнаю, кто она, и… что ж, может, здесь будет не так уж скучно. С каждой минутой всё интереснее».

В лавку он вошёл, весело насвистывая, готовый бодро поздороваться со старым Шпанцем и сделать ему предварительное предложение насчёт палаша. Но за прилавком стоял не Шпанц. Тракстон густо покраснел и сдёрнул шляпу. Девушка улыбнулась.

— Прошу прощения, — воскликнул он. — Я… я ищу мистера Шпанца… я…

— Его нет. Подождёте? Он скоро вернётся.

Голос у неё был чистый и негромкий, акцент — очаровательный. Улыбка в её глазах почему-то показалась ему печальной — мимолётной попыткой казаться весёлой. Пока она говорила, улыбка исчезла совсем, и лицо стало почти мрачным.

— Спасибо. Я… подожду, — сказал он, вдруг смутившись.

Она снова отвернулась к окну и задумчиво уставилась вдоль улицы. Он делал вид, что разглядывает товар на противоположной стене, а сам украдкой наблюдал за ней краем глаза. Одень её в платье одной из тех светских дам, прикидывал он, — и она не уступит красотой и изяществом знатнейшей из них. Тёмную головку она держала со спокойной гордостью настоящей леди; черты лица были тонкие и живые. Она, казалось, забыла о нём. И чем дольше он

смотрел на нежный профиль, тем твёрже убеждался, что она не та, за кого себя выдаёт. А если она не та, за кого себя выдаёт, — значит, она именно та, кем он хочет её видеть: дама из общества. Значит, здесь тайна! От этой мысли к нему вернулась дерзость.

— Простите, — вежливо сказал он, подходя к прилавку.

Вблизи она оказалась выше, чем он думал. Девушка вздрогнула и обернулась к нему с быстрой, робкой улыбкой, в тёмных глазах было безмолвное извинение.

— Я хотел ещё раз взглянуть на палаш. Можно его достать из витрины — или вы достанете?

Она очень быстро — и, как он заметил, неловко при всей своей гибкой грации — вынула тяжёлое оружие из витрины и положила на прилавок. Он смотрел на неё с особой улыбкой. Она мучительно покраснела.

— Я не… не то, что вы назвали бы знатоком, — откровенно сказала она.

— Вы хотите сказать — по части палашей, — самым светским тоном подхватил он. — Миленькая вещица, правда? — Он поднял увесистый клинок. — Неудивительно, что вы чуть не уронили его себе на ногу.

— В те времена, наверное, жили великаны, — сказала она, слегка передёрнув плечами.

— Громадины, — с готовностью согласился он. — Подумываю купить эту старую штуку. Не для дела, конечно. Я не великан.

— Но и не пигмей, — добавила она, окинув взглядом всю его длинную фигуру.

— Сколько он стоит? — спросил он; под её холодным, безразличным взглядом его храбрость дала трещину.

— Не знаю. Разве дядя вам не сказал?

— Я… кажется, сказал. Но у меня скверная память, когда дело касается палашей.

Она рассмеялась.

— А это к тому же очень старый палаш, — сказала она. — Он старше человеческой памяти.

— А как вышло, что вы не знаете цены? — спросил он, пристально наблюдая за ней.

Она спокойно встретила его вопросительный взгляд.

— Я в торговле совсем новичок. Надеюсь, вы простите мне моё невежество. Дядя сейчас придёт.

Она уже отворачивалась — с таким видом, что Кинг окончательно убедился: этой девушке никогда в жизни не приходилось никому прислуживать.

— Так я и слышал, — заметил он.

Наживка сработала. Она быстро подняла глаза, и он готов был поклясться, что по её лицу скользнул испуг.

— Слышали? Что вы обо мне слышали? — потребовала она.

— Что вы новичок в торговле, — хладнокровно ответил он. — Говорят, вы чужая в чужой стране.

— Вы обо мне наводили справки? — спросила она; испуг сменился презрением.

— Так, чуть-чуть. С тех пор, как вы выглянули вон из того окна и посмеялись надо мной. Понимаете, я любопытен.

Она молча и пристально смотрела на него.

— Потому я и смеялась. У вас был очень любопытный вид.

— Неужели всё так плохо? — сокрушённо спросил он.

Вопрос она пропустила мимо ушей.

— Почему вы мной интересуетесь, сэр?

Тут мистера Кинга осенило соврать в интересах науки.

— Потому что я слышал, будто вы вовсе не племянница старого Шпанца.

Он впился в неё глазами, ожидая, что будет. Она просто смотрела на него — даже ресницы не дрогнули.

— Ничего подобного вы не слышали, — холодно сказала она.

— Признаюсь, не слышал, — весело согласился он. — Я ставил опыт. Я сыщик-любитель, вроде Шерлока Холмса. Мне угодно сделать вывод, что вы не родня оружейнику. Вы на эту роль не похожи.

Тут она улыбнулась — божественно.

— А почему же, позвольте узнать? Его сестра была моей матерью.

— Чтобы было на чём строить расчёты, не скажете ли, кто ваш отец? — спросил он с самой обезоруживающей улыбкой — настолько откровенно нахальной, что сердиться на неё было невозможно.

— Муж моей матери, — ответила она в том же духе.

— Вот это улика! — воскликнул он. — Честное слово, я, кажется, на верном пути. Простите, что продолжаю, но он граф, или герцог, или просто…

— Мой отец умер, — перебила она, не сводя с него теперь уже серьёзного взгляда.

— Простите, — сразу сказал он. — Мне жаль, если я вас задел.

— Моя мать умерла. Теперь понимаете, почему я живу здесь, у дяди? До этого додумается даже любитель. Итак, сэр, вы собираетесь покупать палаш? Если нет, я положу его обратно в витрину.

— Затем я и пришёл, — сказал он, задетый её тоном и ледяным взглядом.

— А мне показалось, вы пришли в роли Шерлока Холмса. Или в какой-то другой роли.

Последние слова она произнесла со значением.

— Вы хотите сказать… — Он запнулся и покраснел.

— Вы знали, что я одна, сэр.

— Клянусь, тут вы ошибаетесь. Даю вам слово — не знал. Если бы знал, наверняка пришёл бы раньше. Ну вот, простите меня. Я сегодня особенно легкомыслен и бестолков, и я надеюсь… Что вы сказали?

Она наклонилась к нему, опершись руками о прилавок, и в её тёмных глазах появился странный блеск. Только теперь он заметил, что глаза эти куда острее и проницательнее, чем ему казалось.

— Я просто хочу сказать вам, мистер Кинг: если вы на самом деле не собираетесь покупать палаш, не стоит делать его предлогом, чтобы сюда ходить.

— Дорогая моя юная леди, я…

— У дяди странные представления о приличиях. Он может решить, что вы ходите ко мне.

На её лице вдруг вспыхнула сияющая улыбка, и вся её странная мрачность превратилась в чистое озорство.

— Ну и что, чёрт возьми? Разве он может быть против? Кроме того, я никогда не покупаю не поторговавшись, — запротестовал он, вдруг сам не зная почему развеселившись.

— Не заходите сюда, если не собираетесь покупать, — сказала она, мгновенно посерьёзнев. — В Эдельвейсе так не принято. Во всём мире молодые люди могут болтать с продавщицами — но не в Эдельвейсе. Здесь — только если ухаживают с самыми честными намерениями. Дядя бы не понял.

— Но вы-то, я так понимаю, поняли бы, — смело сказал он.

— Я жила в Вене, в Париже и в Лондоне. А теперь живу в Эдельвейсе. Я не всегда была продавщицей.

— Охотно верю. Мои выводы подтверждаются.

— Простите, что даю вам совет. Умному достаточно. Дядя захлопнул бы дверь у вас перед носом, если бы… если бы подумал…

— Понятно. Ладно, куплю этот проклятый палаш. Я ведь всё равно за ним и пришёл.

— Нет. Вы пришли, потому что я улыбнулась вам из окна наверху. Это моя гостиная.

— А почему вы улыбнулись? Скажите! — горячо спросил он.

— Природа взяла своё.

— То есть вы просто не могли удержаться?

— Именно это я и хочу сказать.

— Не очень-то лестно, по-моему.

— Улыбка всегда комплимент, сэр.

— Послушайте, а знаете, вы мне интересны… — горячо начал он, но она приложила палец к губам.

— Дядя возвращается. Мне больше нельзя с вами говорить. — Она тревожно глянула на площадь и торопливо добавила с какой-то тоской в голосе и глазах: — Сегодня я не удержалась. Забыла своё место. Но вы первый джентльмен, с которым я говорю с тех пор, как приехала сюда.

— А я… я боялся, вы решите, что я не джентльмен. Я вёл себя довольно нахально.

— Я знавала многих джентльменов. Прежде чем пошла… в услужение, конечно.

Она резко отвернулась, и по её лицу пробежала тень. Тракстон Кинг ликовал. Наконец-то он напал на след Золотой девушки! Вот она, Романтика! Вот она, тайна!

Шпанц уже переходил тротуар. Американец наклонился и прошептал:

— Смотрите, как я куплю этот палаш. А со временем, может, скуплю и всю лавку, по штучке.

Она быстро улыбнулась.

— Предупреждаю: не давайте его цену.

— Спасибо.

Когда через минуту Шпанц вошёл, девушка безучастно смотрела в окно, а Тракстон Кинг стоял, опершись о прилавок спиной к ней, скрестив руки, и нетерпеливо хмурился.

— Ну наконец! — буркнул он. — Я вас десять минут жду.

Чёрные глаза Шпанца метнулись от одного к другой.

— Что вам угодно? — резко спросил он. Бросая шляпу на табурет у двери, он снова перевёл взгляд с мужчины на девушку и обратно.

— Палаш. И вот что, мистер Шпанц, могли бы разговаривать со мной другим тоном. Я покупатель, а не нищий.

Девушка отошла от окна и медленно скрылась в узкой двери в глубине лавки, не взглянув ни на Кинга, ни на старика. Пока она не ушла, Шпанц молчал.

— Так вы хотите палаш? — спросил он уже куда мягче. — Это редкий старинный…

— Даю сто долларов — и ни цента больше, — перебил Кинг, ещё не остыв.

Последовал долгий и раздражающий торг, и в конце концов мистер Кинг стал владельцем оружия за свою цену. Вовремя опомнившись, он принялся восхищаться старинными кольцами и браслетами в шкафчике рядом — так сказать, прокладывая дорогу будущим визитам.

— Я ещё зайду, — небрежно сказал он.

— Но вы же уезжаете завтра, сэр.

— Я передумал.

— Не уезжаете?

— Ещё несколько дней побуду.

— Значит, нашли в Эдельвейсе что-то привлекательное? — ухмыльнулся старый оружейник. — Я так и думал.

— Видел высший свет, любезный.

— Больше вам от него ничего не перепадёт, — буркнул Шпанц.

— Пожалуй, вы правы. Почистите мне палаш, а я завтра зайду и заберу. Вот шестьдесят гавво задатка, остальное при получении. Всего доброго, мистер Шпанц.

— Всего доброго, мистер Кинг.

— А откуда вы знаете моё имя?

Шпанц приложил руку к сердцу и отвесил весьма внушительный поклон.

— Когда в наш маленький город приезжает такой знатный гость, — сказал он, — мы не мешкаем узнать, как его зовут. Это часть нашего ремесла, сэр, поверьте.

Ба!, неспешно шагая по улице к гостинице. — И девушка меня по имени назвала, если подумать. Эх-ма! Хоть бы, чёрт возьми, раскрутилось что-нибудь интересное… Привет!

У его локтя оказался мистер Хоббс из конторы Кука; глаза у него горели.

— Слушайте, сэр, вас в «Регенгетце» дожидается старик Данглосс. Что стряслось? Чего вы натворили, сэр?

— Натворил? Я, Хоббс?

— Помилуй бог, сэр, натворили, иначе он бы вас не ждал.

— А кто такой Данглосс?

— Министр полиции — я разве не говорил? Ох и хитрец, сэр, поверьте. Шерлоку до него как до луны.

— Я тоже Шерлока за пояс заткну, Хоббс. По части шерлокства я не промах, будьте уверены. А откуда вы знаете, что он ждёт меня?

— Слышал, как он про вас спрашивал. И сейчас был там, когда пришёл его человек и доложил, что вы идёте сюда из оружейной лавки.

— Значит, за мной следят, а? Вот это дело!

Он поспешил в гостиницу. На большой веранде его ждал уже знакомый ему свирепого вида человечек в белом полотняном костюме.

Барон Ясто Данглосс был человек вежливый, но тянуть время не любил. Он шагнул навстречу озадаченному американцу, любезно улыбаясь и подкручивая внушительные усы аккуратно затянутыми в перчатку пальцами.

— Я пришёл, мистер Кинг, немного поговорить с вами о вашем отце, — сказал он без предисловий. Изумление на лице молодого человека доставило ему явное удовольствие.

— О моём отце? — выдохнул Тракстон. Он пожимал барону руку и растерянно смотрел в его весёлые, колючие глазки.

— Не присядете со мной за этот столик? Джулеп будет недурен, а?

Кинг сел напротив за один из столиков на веранде, в тени густых вьющихся лоз.

— Отлично, — только и сказал он.

Официант принял заказ и ушёл. Барон достал портсигар. Кинг тщательно выбрал папиросу и постучал ею о тыльную сторону ладони.

— Что-то… что-то случилось с отцом? — тихо спросил он. — Плохие вести?

— Напротив, сэр, он вполне здоров. Сегодня я получил от него телеграмму.

— Телеграмму?

— Да. Позавчера я телеграфировал ему с вопросом, не скажет ли он, где сейчас его сын.

— Да что вы говорите!

— Он отвечает, что вы в Тегеране.

— Что всё это значит, барон?

— Такая у меня привычка. Я взял за правило следить за передвижениями наших гостей.

— Понятно. Вы хотите знать обо мне всё: зачем я здесь, откуда приехал и так далее. Что ж, я готов к допросу с пристрастием.

— Прошу вас, не обижайтесь. Таково моё правило. Оно не изменилось бы, даже если бы сюда приехал сам английский король. А вот и джулепы. Быстро, а?

— На удивление. Полагаю, благодаря вашему дару убеждения.

— Вообще-то я заказал их за несколько минут до вашего прихода. Понимаете, я был совершенно уверен, что вы выпьете. Вы пьёте джулеп каждый день примерно в это время.

— Чёрт возьми, вы за мной следили! — в восторге воскликнул Тракстон.

— Что вы делаете в Эдельвейсе, мистер Кинг? — вдруг спросил барон, отрывисто, но не грозно.

— Смотрю достопримечательности и ищу приключений, — тут же ответил тот.

— Я так и думал. Вы немало повидали с тех пор, как два года назад, двадцать седьмого сентября, уехали из дома.

— Вот это да!

— Побывали в Южной Африке, в Азии и… в Южной Америке, не говоря уж о Европе. Тот эпизод в Южной Америке, должно быть, был весьма увлекательным.

— Вы же не хотите сказать…

— О, я знаю всё о вашем участии в тамошней революции. Вы, как я понимаю, были капитаном все три недели беспорядков. Великолепно! Ради забавы, полагаю. Что ж, мне это в вас нравится. Я бы и сам так поступил. И, если память мне не изменяет, вы унесли ноги как раз вовремя. Огорчённое правительство назначило награду за вашу голову. Думаю, поймай вас — расстреляли бы, как остальных. — Старик хихикнул. — Вы ведь не собираетесь обратно в Южную Америку? Награда, знаете ли, всё ещё в силе.

Кинг смотрел на него в полнейшем изумлении. Это был эпизод его жизни, который, как он втайне надеялся, никогда не выплывет наружу: он знал, как это расстроит мать. И вот здешний старый лис, на другом конце света, в Граустарке, знает всё до мелочей.

— Ну, вы просто чудо! — с искренним восхищением сказал он.

— Высоко ценю комплимент, уверяю вас. Всё это я рассказываю лишь затем, чтобы вы знали: кое-что о ваших передвижениях мы выяснили. Теперь о настоящем. Вы собирались уехать завтра. Почему остаётесь?

— Барон, предоставляю это вашему блестящему дару дедукции, — мягко сказал Тракстон.

Он долго тянул джулеп через соломинку, наблюдая за лицом барона. Барон улыбнулся.

— Вы нашли молодую особу весьма привлекательной, — заметил он. — Где вы познакомились с ней раньше?

— Простите?

— Не так уж редко молодой человек, ищущий приключений, следует за избранницей с места на место. Она приехала совсем недавно, если не ошибаюсь.

— Вы думаете, я знал её раньше и приехал за ней в Эдельвейс?

— Я не вполне уверен, не бывали ли вы недавно в Варшаве. В ваших передвижениях есть пробел, которого я не могу объяснить.

Кинг сразу стал серьёзен. Он понял, что с этим проницательным стариком лучше быть откровенным.

— Барон Данглосс, я не очень понимаю, к чему вы клоните, но скажу прямо, что касается меня. Я впервые увидел эту девушку вчера. Заговорил с ней впервые сегодня.

— Вчера она весьма приветливо улыбнулась вам из окна, — невозмутимо сказал Данглосс.

— Посмеялась надо мной, если уж совсем честно. Но в чём дело? Кто она? Что за игра? Признаюсь, мне кажется, что она не та, за кого себя выдаёт, но дальше этого я не продвинулся.

Данглосс с минуту изучал лицо молодого человека и вдруг принял решение. Он наклонился вперёд и кисло улыбнулся.

— Мой вам совет: не играйте с огнём, — загадочно сказал он.

— Вы… вы хотите сказать, она опасна? Не могу в это поверить, барон.

— У неё опасные друзья там, в большом мире. Я не говорю, что здесь она доставит вам неприятности, — но есть ведь и будущее. Заметьте, я не говорю, что она дурная девушка или

авантюристка. Напротив, она из прекрасной семьи — поколение-другое назад среди её предков были и дворяне. Вы знаете, как её зовут?

— Нет. Слушайте, это становится интересно! — Он сиял.

— Её зовут Ольга Платанова. Двадцать пять лет назад её мать вышла замуж здесь, в этом городе, за профессора Платанова из Варшавы. В прошлом году профессора казнили за заговор. Он был одним из вождей большого революционного движения в Польше. По сути — анархисты, как их называют у вас в Америке. Эта девушка, Ольга, была его секретарём. Его смерть её едва не убила. Но это не всё. Ещё пятнадцать месяцев назад у неё был возлюбленный — принц царственной крови. Он женился бы на ней, несмотря на разницу в положении, если бы не вмешалась корона, которую она и ей подобные так ненавидят. Могущественная родня молодого человека взялась за дело. Его заставили жениться на тощенькой герцогине, а Ольгу предупредили: если она попробует отбить его у жены, её накажут. Она не пробовала — потому что она девушка честная, в этом я уверен. Но она ненавидит их всех — ох, как ненавидит! Дядя, Шпанц, предложил ей кров. Месяц назад она приехала сюда — сломленная и больная. Пока что она весьма почтительна к нашим законам. Мы не то чтобы её боимся — мы обязаны за ней присматривать ради наших старших братьев за границей. Теперь вы понимаете, почему я советую не трогать огня.

Кинг помолчал, что-то обдумывая.

— Барон, вы уверены, что она красная?

— Вполне. Она бывала на их собраниях.

— Честное слово, не похоже. Я думал, они все — головорезы и подонки.

— Бывают и такие. А бывают — профессора и их дочери. Никогда не угадаешь.

— Не скрою, она меня интересует. Она хорошенькая — и, кажется, умная. Барон, давайте начистоту. Это вежливый способ приказать мне держаться от неё подальше?

— Вы слишком широко толкуете. Во-первых, я совершенно уверен, что она сама не захочет иметь с вами дела. Она любила мужа тощенькой герцогини. Вы, мой добрый друг, хоть и хороши собой, ей неинтересны, поверьте.

— Пожалуй, вы правы, — уныло сказал Кинг.

— Я лишь предупреждаю. Молодых людей вашего возраста и нрава фантазия порой заводит в отчаянное положение. Не сомневаюсь, что вы сумеете за себя постоять, но… — Он замолчал, словно сильно в этом сомневался.

— Премного благодарен. Буду смотреть в оба. Надеюсь, ничего дурного, если я зайду в лавку посмотреть кольца и безделушки?

— Ничуть. Только безделушками и ограничьтесь.

— А Шпанц вне подозрений?

— В моём маленьком мире вне подозрений никого нет. Кстати, я очень люблю вашего отца. Превосходнейший джентльмен и отличный стрелок.

Тракстон вытаращил глаза пуще прежнего.

— Что?!

— Я хорошо его знаю. Пять лет назад мы охотились с ним на кабанов в Германии. А ваша сестра! Прелестная была юная девушка. Они тогда жили в Карлсбаде. Она была здорова, когда вы в последний раз получали вести?

— Здорова, — только и смог вымолвить изумлённый брат.

— Что ж, заходите ко мне в Башню. Я там по утрам. Приходите в гости, а не под конвоем. — Барон хихикнул над собственной шуткой. — До свидания! До скорой встречи.

Они пожимали друг другу руки самым дружеским образом.

— Да, кстати: вы сегодня любезно изменили мнение о наших дамах. Позвольте и мне в ответ заметить, что немало наших самых знатных красавиц любезно осведомлялись, кто вы такой.

И он оставил американца на верхней ступеньке — тот смотрел ему вслед с восхищением.

Вечером Тракстон вышел в город с таким вкусом к жизни, какого не знал никогда. Что-то настойчиво нашёптывало его воображению, что скука осталась в прошлом. Ему не нужно было насвистывать для бодрости — настроение само взлетело до небес.

Он, однако, не знал, что за каждым его шагом следит агент тайной полиции. Впрочем, и агент вряд ли подозревал, что он не единственный, кто ходит по пятам за беспечным молодым иностранцем.

Неподалёку от американца всё время держался человек с потухшей папиросой в зубах. Перед этим он заглянул в лавку к Вильгельму Шпанцу перекинуться парой слов — и с того часа не выпускал молодого человека из виду, пока его не сменил другой.

ГЛАВА IV

В которой Тракстон перелезает через запретную стену, удит с князем золотых рыбок и знакомится с тётей Лорейн

Спать он лёг усталый и счастливый. Город вдруг стал для него весёлым и оживлённым. Дважды за вечер он прошёл мимо лавки Шпанца — там было темно и внизу, и наверху. Он гадал, не смотрит ли на него несчастная Ольга из-за тёмных ставен. А если и нет — ля-ля! Ему было весело! Он видел хорошеньких женщин в кафе и садах! Ну что ж, завтра он увидит её — а уж потом прислушается к предупреждению барона. Дочь анархиста!

Спал он тоже отлично и ни разу не вспомнил о субботнем экспрессе, который в прежние ночи проклинал до утра. Встал рано: ему вдруг показалось, что в последнее время он слишком много спит.

После завтрака, с блеском в глазах, он пересёк город и ворвался к мистеру Хоббсу в контору Кука.

— Слушайте, Хоббс, как насчёт замка сегодня — скажем, через час? Можете взять на экскурсию группу из одного зеваки? Вы мне нравитесь, Хоббс. Вы лучший переводчик с английского, какого я встречал: я понимаю вас, как бы ни старался не понимать. Проведите меня сегодня в замковый парк и покажите, где прохаживаются герцогини и резвятся графини. Стыдно признаться, Хоббс, но со вчерашнего дня средние сословия меня больше не интересуют. Меня вдруг потянуло на шампанское — иначе говоря, на знать. Улавливаете? Отлично! Так вы проводите меня в страну фей? В десять?

— В замковый парк я вас свожу, мистер Кинг, сэр, и всё интересное расскажу. Но чтоб мне провалиться, сэр, если у меня хватит духу представить вас первым дамам страны. Этого мне вовек не видать, сэр, и…

— Господь с вами, Хоббс, не делайте такое лицо. Я не прошу представлять меня ко двору. Я хочу только посмотреть на сирень и горгулий. Дальше этого моё вторжение в мир грёз не зайдёт.

— Вы, конечно, понимаете, сэр, что часть парка закрыта для публики. Грот, площадки для игр, купальни Венеры…

— Не буду я никуда вторгаться, не волнуйтесь, Хоббс. В десять я за вами зайду.

Мистер Хоббс посмотрел вслед бодрой, весёлой фигуре, шагавшей по улице, и уныло покачал головой. Потом повернулся к единственному конторщику, скучавшему за кассой, и сказал с непривычным чувством:

— Вот такой как раз и втравит меня в беду, дай ему только волю. Помяните моё слово, Стоукс, нахлебаюсь я с ним сегодня в парке. Он заряжен, как бутылка содовой, а с бутылкой содовой, сами знаете, никогда не угадаешь, что будет, если не обращаться с ней ох как осторожно.

Тракстон поспешил на площадь, к лавке оружейника, не забывая, впрочем, тревожно поглядывать по сторонам — не шныряет ли поблизости почтенный Данглосс. Шпанц в глубине лавки разговаривал с покупателем. Девушка стояла за прилавком, одетая для улицы.

Она быстро вышла к нему с расстроенным лицом. Снимая шляпу, он перестал улыбаться: было видно, что она плакала.

— Вам нельзя сюда приходить, мистер Кинг, — торопливо и тихо сказала она. — Заберите сегодня свой палаш и — прошу вас, ради меня — больше не приходите. Я… я не могу объяснить почему, но это для вашего блага больше, чем для моего. Дядя сейчас выйдет. Он знает, что вы здесь. Он прислушивается, что я вам говорю. Улыбайтесь, пожалуйста, иначе он заподозрит…

— Послушайте, — сказал Кинг, улыбаясь, но совершенно серьёзно, — что случилось? Вы плакали. Что он вам сделал или сказал? Я ему…

— Нет-нет! Будьте благоразумны! Тут вы ничем не поможете. Я вас не знаю, мистер Кинг, но я серьёзно говорю: приходить сюда якобы за покупками для вас небезопасно. Это слишком легко разгадать, это…

— Минутку, — перебил он. — Барон Данглосс рассказал мне вашу историю. Она меня тронула. Вы несчастны. Вы в беде? Вам нужны друзья, мисс Платанова?

— Именно потому, что вы хотите стать другом, я и прошу вас держаться подальше. Вы не можете быть моим другом. Не сочтите меня дерзкой, что я так много себе позволяю. Но я знаю… я знаю мужчин, мистер Кинг. Барон рассказал вам всё обо мне? — Она печально улыбнулась. — Увы, он рассказал только то, что знает сам. Но и этого должно хватить. В моей жизни нет места ни вам, ни кому-либо ещё. И никогда не будет. Так что не стройте на мне свой роман. О, я слышала о ваших поисках приключений. Мне это в вас нравится. Когда-то у меня тоже было воображение. Я любила волшебные сказки и истории о любви. Но не теперь — не теперь. Для меня нет романтики. Только суровая действительность. Не спрашивайте! Больше я ничего не могу сказать. Мне пора. Я… я вас предупредила. Не приходите больше!

— Спасибо за предупреждение, — тихо сказал он. — Но изредка я всё равно буду заходить. Вы выбрали неверный способ, пытаясь меня запугать. Понимаете, мисс Платанова, я как раз и ищу чего-нибудь опасного — если вы об этом.

— Не только об этом, поверьте, — взмолилась она. — Вы ничего не выиграете. Вы знаете, кто я. Я не могу быть вам другом — даже знакомой, мистер Кинг. Прощайте! Пожалуйста, не приходите больше!

Она выскользнула на улицу и исчезла. Кинг стоял в дверях и смотрел ей вслед, озадаченно прищурившись. Из глубины лавки шёл старый Шпанц, за ним — покупатель.

«Странно, — думал американец. — Как она вдруг переменила тактику. Сначала мне улыбалась, а теперь плачет, когда я пытаюсь ответить тем же. Ну нет, клянусь чем угодно, так просто ей меня не спугнуть…»

Старик смотрел на него с явным неудовольствием. Тракстон принялся отсчитывать деньги. Покупатель, смуглый малый, вышел, обернувшись на пороге, чтобы пристально взглянуть на молодого человека. Между ним и Шпанцем мелькнул многозначительный взгляд и хитрый кивок. Смуглый задержался на углу, потом проводил Кинга до конторы Кука, оттуда до ворот замкового парка — и ждал снаружи, пока его добыча не вышла обратно. До поздней ночи, пока Кинг не лёг спать, этот смуглый ходил за ним по пятам, ни разу не попавшись ему на глаза.

— Скоро зайду посмотреть кольца, — сказал Кинг, кладя деньги на прилавок.

Шпанц только кивнул, сгрёб бумажки не считая и протянул покупателю палаш.

— Очень хорошо, сэр, — буркнул он.

— Не хочется таскать эту жуть по улицам, — сказал Кинг, с отчаянием глядя на огромное оружие. В душе он проклинал своё мотовство и страсть к старинным диковинам.

— Он ваш, друг мой. Берите или оставьте.

— Беру, — снисходительно улыбнулся Тракстон, подхватил оружие и удалился.

Через несколько минут он уже шагал к замку с коротконогим мистером Хоббсом, которому то и дело приходилось стаскивать тесную фуражку и утирать разгорячённый, страдальческий лоб — такой темп задал длинноногий спутник. Палаш тем временем мирно покоился на конторке под носом у должным образом впечатлённого кассира — молодого человека по имени Стоукс.

Хоббс провёл его через большие ворота парка к сторожке Якоба Фрааша, почтенного главного смотрителя. Там, к величайшему негодованию Кинга, его записали обыкновенным

туристом Кука и машинально посоветовали строго соблюдать правила, которые объяснит ему гид.

— Турист Кука, значит? — сердито бормотал Кинг, когда они вдвоём брели по тенистой дорожке, и пренебрежительно поглядывал на невзрачного коротышку рядом.

— Ничего в этом позорного нет, — проворчал Хоббс, покраснев пуще прежнего. — Раз вы в парке, правила соблюдайте, как любой турист. Сюда, сэр. Пройдёмся вдоль стены. Итак, слева от вас, дамы и… кхм! то есть… кхм! сэр, — первая башенка, построенная на стене. Ей больше четырёхсот лет. Справа мы видим…

— Послушайте, Хоббс, — сказал Кинг, остановившись, — будь я проклят, если позволю читать мне лекции, будто я экскурсия из глубинки.

— Как скажете, сэр. Не в обиду. Забылся, сэр.

— Просто рассказывайте. Без лекций.

Три четверти часа они бродили по огромному парку, не подходя к замку ближе, чем позволяли правила: всякий раз доходили до широкой аллеи, отмечавшей границу, — и ни шагу дальше. Дивная красота старого парка, полного преданий, будила в голове дерзкого гостя странные фантазии и смелые желания. Он чувствовал на себе путы, он возмущался тяжёлыми цепями условностей, он роптал на законы, запрещавшие ему переступить гранитную дорогу в прохладный запретный мир — мир владык. Хоббс знал, что бунта не миновать: он видел, как тот надвигается.

— Посмотрим княжеские конюшни — и, считайте, всё стоящее мы видели, — поспешно сказал он. — Потом выйдем через верхние ворота и…

— Хоббс, всё это очень красиво, очень величественно и очень скучно, — сказал Кинг и прислонился к замшелой стене, окружавшей парк внутри парка — сад у грота. — Нельзя мне перемахнуть через эту стенку и одним глазком глянуть на грот?

— Ни в коем случае! — в ужасе вскричал Хоббс. — Это, сэр, самое запретное место после самого замка. Туда нельзя.

Кинг заглянул через низкую стену. Вид был заманчивый: пруд, журчащие ручейки, замшелые берега, густые тени. С ума сойти — и нельзя войти!

— Я бы там и минуты не пробыл, — уговаривал он. — А вдруг увижу даму из сна? Ну, Хоббс, вот тут низкое место. Я мог бы прыгнуть…

— Мистер Кинг, если вы это сделаете, я погиб навсегда. Смотритель мне доверяет. Он лишит меня всех привилегий…

Дальше Хоббс говорить не смог. Он заранее пришёл в ужас: что-то подсказывало ему, что мистер Кинг перепрыгнет.

— Один-единственный раз, Хоббс, — умолял его подопечный. — Никто не узнает.

— Помилуй бог, сэр, я… — взвыл было Хоббс — и застонал в беспросветном отчаянии.

Кинг легко перемахнул через стену и ухмылялся ему уже из священных пределов — с площадки для игр принцесс.

— Идите и донесите на меня, Хоббс, будьте другом. Скажите гвардейцам, что я не послушался. Вас это выгородит, а остальное я беру на себя. Ради всего святого, Хоббс, не лопните! Если будете так сдерживаться, вас точно разорвёт. Я через минуту вернусь.

Он зашагал по ярко-зелёному газону к источнику всего этого очарования, оставив бедного мистера Хоббса привалившимся к стене — ослабевшего и беспомощного. Если он и услышал через минуту-другую отчаянный, хоть и приглушённый свист и мучительное «эй!» человека от Кука, то не обратил на это внимания. Оглянись он — понял бы, что дело плохо: голова Хоббса скрылась за стеной. Но он смотрел вперёд, впитывая запретные красоты этого чудесного уголка.

Никогда за все странствия он не видел места заманчивее. Он подошёл к краю глубокого синего пруда; над ним виднелся вход в грот. Ручейки сбегали по расселинам скал и радостно

прыгали в затенённый деревьями пруд. Вода из пруда уходила куда-то под стену низким каменным сводом, и Тракстон рассеянно подумал: интересно, куда? Ниже и правее, в рамке деревьев и мягчайшей травы, сверкали на солнце знаменитые купальни Венеры. По ним плавали большие чёрные лебеди, о которых он столько слышал. Сквозь широкий просвет в деревьях виднелся огромный серый замок, в полумиле отсюда, на фоне густой зелени ближней горы. У него захватило дух. Он забыл про Хоббса. Забыл, что вторгся без спроса. Вот он наконец — Граустарк, который он видел во сне и чувствовал в мечтах!

Не думая ни о чём, он уселся на ближайшую каменную скамью и снял шляпу. Ему было жарко, он устал, а воздух был прохладен. Он будет пить его, как нектар, — и, кроме того, выкурит папиросу. Обгоревшую спичку он старательно не бросил в пруд: даже он понимал, что это было бы кощунством. Едва он откинулся с блаженным вздохом и с наслаждением выпустил дым турецкого табака, как откуда-то сзади его размышления прервал тонкий повелительный голосок:

— Что вы тут делаете?

Тракстон, чувствуя себя виноватым, обернулся в таком смятении, будто его окликнул громовой голос. На пригорке, шагах в десяти над ним, стоял совсем маленький мальчик. Лицо у него было ровно настолько чумазым, насколько полагается мальчику в это время дня, а кудрявые каштановые волосы, похоже, не видели гребня со вчерашнего дня. Крепкие ножки в гольфах и, надо полагать, белых бриджах были широко расставлены, руки в карманах.

Кинг сразу узнал его и беспокойно огляделся в поисках свиты, которая наверняка была где-то рядом. Можно не сомневаться, что он вскочил и низко поклонился — даже смиренно.

— Отдыхаю, ваше высочество, — кротко сказал он.

— Вы что, не знаете, что сюда нельзя? — строго спросил князь.

Тракстон густо покраснел.

— Простите. Я сейчас же уйду.

— Да я вас не выгоняю, — торопливо сказал князь, спускаясь с пригорка. — Но вы большой, должны понимать. Гвардейцы могут вас застрелить, если поймают. — Он подошёл к нарушителю вплотную. Кинг увидел царапину на его носу. — А, я вас знаю! Вы тот господин, что вчера поднял мой стек. Вы американец.

Лицо его осветилось дружелюбной улыбкой.

— Да, одинокий американец, — сказал Кинг, пытаясь быть трогательным.

— А вы откуда?

— Из Нью-Йорка. Это довольно далеко отсюда.

— А в Центральном парке были?

— Тысячу раз. Он не такой красивый, как этот.

— Зато там есть животики… — Князь запнулся и мучительно покраснел. — То есть живот-ны-е, — очень старательно выговорил он. — А в нашем парке нет ни слонов, ни тигров. Когда вырасту, я их тут посажу. Вырастут, никуда не денутся.

— Я стрелял слонов и тигров в джунглях, — сказал Тракстон. — Скажу вам, когда они гонятся за тобой на воле, это совсем не весело. На вашем месте я сажал бы их в клетки.

— Может, и посажу, — очень задумчиво сказал князь.

— Не присядете, ваше высочество?

Мальчик осторожно огляделся.

— Слушайте, а вы рыбу ловите? — нетерпеливо спросил он.

— Иногда.

— Вы меня не выдадите? — Он грозно нахмурился. — Не говорите Якобу Фраашу. Это смотритель. Я… я знаю отличное место для рыбалки. Пойдёте со мной? Только осторожно, пожалуйста! Вы ужасно большой, вас увидят. Не знаю, что с нами сделают, если поймают. Будет ужас что такое. Вы не могли бы красться, мистер? Сделайтесь маленьким. Вот сюда.

Князь повёл его вверх по склону. Американец, забавляясь, следовал за ним и пригибался так превосходно, что мальчик, оглянувшись, шепнул, что это «просто здорово». На вершине пригорка князь свернул на тропинку меж кустов, которая спускалась к берегу пруда почти под самой скалой грота.

— Не бойтесь, — шепнул он новому другу. — Тут неглубоко, если поскользнётесь. Только рыбу распугаете. Ух, тут здорово ловится! И они все красные. Вы когда-нибудь видели красную рыбу?

Тракстон вздрогнул. Ему тут не место! Князь вправе браконьерствовать в собственных владениях, но взрослый мужчина, пойманный за ловлей княжеских золотых рыбок, — об этом и подумать страшно. Он попятился.

— Боюсь, мне некогда, ваше высочество. Меня там ждёт друг. Он…

— Да тут рядом! — взмолился князь. — Ну пожалуйста, на минутку. Я… я не умею насаживать наживку на булавку. Мне только парочку поймать. Без червяка они не клюют — я пробовал. Смотрите, сколько их! Батюшки, сколько! Нас тут никто не увидит. Ну пожалуйста, мистер, насадите мне червяка.

Тракстон уселся за кустом и весело расхохотался. Нетерпеливый, умоляющий взгляд мальчика тронул его сердце. Что такое одна-две золотые рыбки? Рыба ничего не чувствует — даже золотая. Устоять перед этим мальчишеским нетерпением было невозможно.

— Да вы, оказывается, настоящий мальчишка. А я думал, княжеский титул вас испортил, — сказал он.

— Дядя Джек говорит, что князем я буду всегда, а мальчишкой — недолго, — рассудительно сказал князь Бобби. — Так насадите?

Кинг кивнул, уже без всяких угрызений совести. Князь шмыгнул за большой камень и тут же вернулся с ивовым прутом, на конце которого болталась нитка с согнутой булавкой. Прут он бесцеремонно сунул в руки сообщника, а из кармана достал серебряный портсигар и осторожно открыл его. Внутри копошилась каша из дождевых червей и личинок.

— Ужасно пачкаешься, когда копаешь червей, правда? — изрёк он.

— Ещё бы, — согласился большой мальчик. — А чей это портсигар?

— Дяди Каспара — то есть графа Хальфонта. У него другой есть, этого он не хватится. Я ему оставлю в нём парочку червей, когда положу обратно в стол. Он подумает, что это феи. Вы верите в фей?

— Конечно, Питер, — сказал Тракстон, насаживая упрямого червяка.

— Меня зовут не Питер, — холодно сказал князь.

— Я подумал о Питере Пэне. Слыхали про него?

— Нет. Слушайте, не разговаривайте, а то распугаете. Готово?

Он взял прут и осторожно опустил крючок в искрящийся пруд. Быстрее, чем об этом можно рассказать, клюнуло, дёрнуло — и попалось! Никогда ещё ни один мальчишка так не волновался, как он, когда алый лакомка взлетел в кусты над ними; он задохнулся от восторга. Тракстон достал добычу из кустов и хладнокровно отцепил воинственную булавку.

— Съем их за обедом, — объявил князь.

— Вы собираетесь наловить на целую сковородку? — ужаснулся мужчина.

— Ага, — сказал Бобби, решительно закидывая снова.

— А вы не боитесь, что вас раскусят, если принесёте их в замок? — дипломатично спросил Тракстон. — Золотые рыбки — улика верная.

— Никто ругать не будет, кроме дяди Джека, а он не узнает. Он, наверное, уже уехал.

Кинг заметил, что губа у мальчика вдруг задрожала.

— Уехал?

— Ага. Его изгнали сегодня утром, сразу после завтрака. — Начал он с дрожью в голосе, а закончил с монаршей твёрдостью.

— Боже правый! — ахнул тот, всерьёз потрясённый.

— Я его изгнал, — грустно сказал князь. Потом улыбнулся: — Только, по-моему, он не уедет. Он никогда не уезжает. Видите мою вывеску? — Он показал на скалы у грота. — Я её Гуговой ваксой написал.

С древесного ствола на браконьеров взирала табличка с важным объявлением: «РЫБУ ЛАВИТЬ ЗОПРЕЩАЕЦА». Ничего особенно грозного в ней не было, но её автор был весьма доволен заключённой в ней хитростью.

— Я её повесил, чтобы никто не подумал, будто кто-нибудь — даже я — посмеет тут ловить. Ой, смотрите!

Вторая рыбка из его алого улова уже билась в траве. Тракстон снова вспомнил о мистере Хоббсе и на этот раз тревожно огляделся по сторонам.

— А где, по их мнению, вы сейчас, ваше высочество?

— Гуляю с тётей. Только она встретила графа Вос Энго, и пока они разговаривали, я смылся — то есть потихоньку ушёл.

— Значит, вас сейчас ищут по всему… — начал Тракстон, вставая. — Мне правда пора. Простите, ваше…

— Ой, не уходите! Я не дам им вам ничего сделать, — твёрдо сказал князь. — Я американцев люблю больше всех, — продолжал он с ловкой убедительностью. — Они ничего не боятся. Они не трусы.

Тракстон немедленно сел. Нельзя же было показать спину в ответ на такое высокое мнение.

— Мне вообще нельзя гулять одному, — доверительно продолжал князь. — Понимаете, меня взорвут, если смогут.

— Взорвут?

— А вы не слышали? Динамитными бомбушками — то есть бомбами. Да, сэр! Так со всеми князьями делают.

Сказано это было совершенно спокойно. Ужас на лице Тракстона поубавился. Наверняка это просто уловка, чтобы княжеская особа слушалась, — так обыкновенного мальчишку пугают букой.

— Плохо дело, — посочувствовал Тракстон, снова насаживая червяка.

— Это старый граф Марланкс. Это он меня взорвёт. Он ненавидел маму и папу, значит, и меня, наверное, ненавидит. Дядя Каспар говорит, он ужасный.

Кинг задумался. В голове его мелькнуло что-то яркое и мимолётное; он попытался поймать и разглядеть эту мысль, но она исчезла прежде, чем он понял, что она значит. Он с новым интересом посмотрел на безмятежного, милого малыша, который, как все князья, рос в тени беды.

Вдруг чуткие ушки рыболова уловили звук, от которого он заметно переполошился. Он бросил удочку и пополз к просвету в кустах, испуганно глядя вниз, на тропинку вдоль берега.

— Что такое? Динамитчик? — встревоженно спросил Тракстон.

— Хуже, — прошептало его высочество. — Тётя Лорейн. Ой-ой!

К ужасу Кинга, князь метнулся в заросли.

— Эй! — растерянно окликнул он. — Я думал, вы будете меня защищать!

Князь остановился, тут же устыдившись.

— Я думал, вы будете меня защищать.

— Буду, — сказал Бобби и мужественно вернулся на место. — Она идёт по тропинке. Не бегите! — презрительно воскликнул он, когда Тракстон двинулся к скалам. — Она вам ничего не сделает. Она же девчонка.

— Ладно. Не побегу, — сказал большой преступник, мечтая уметь летать.

— А вон там ещё Саффо и Корс за нами смотрят. Попались. Мне жаль, мистер.

На другом берегу пруда стояли навытяжку двое из замковой гвардии и пристально следили за рыболовами. Кинга несколько смутило, что винтовки они держат наготове. Он почувствовал, что бледнеет, подумав, что было бы, если бы он пустился наутёк.

Из-за кустов вышла молодая дама в платье из шёлка-сырца, в лёгкой панаме, надвинутой на самый нос, с красным пером, которое торчало так, будто вечно чему-то удивлялось, — и остановилась почти у самого его локтя. В смятении он успел заметить, что ростом она ему по плечо и что смотрит она на него снизу вверх изумлёнными серыми глазами. Потом он поймёт, что она удивительно хороша, что держится она повелительно и что на щеках у неё ямочки, от которых невозможно отвести взгляд. Разумеется, сначала он их не увидел: она не улыбалась — как же тут увидишь?

Князь пришёл на помощь.

— Это моя тётя Лорейн, мистер… мистер… — Он сглотнул и беспомощно посмотрел на нового друга.

— Кинг, — подсказал Тракстон. — Тракстон Кинг, ваше высочество. — И, собрав всю храбрость, сказал прекрасной даме: — Я виноват не меньше его. Вот!

Он уныло показал на четырёх золотых рыбок, которых нанизал на травинку и опустил у края пруда.

Она не улыбнулась. Напротив, посмотрела на него очень строго.

— Как жестоко! — прошептала она. — Бобби, тебя следует хорошенько отшлёпать. Ты очень гадкий мальчишка.

Говорила она быстро и по-французски.

— Это он насадил червяка, — сказал Бобби, тоже по-французски.

Вот оно, предательство!

Тракстон разразился французской фразой:

— Но позвольте, ваше высочество, вы обещали меня помиловать, если нас поймают!

— Не могу помиловать, пока вас не признали виновным, — сказал князь по-английски.

— Выпустите, пожалуйста, этих бедняжек обратно в пруд, мистер Кинг, — сказала дама на безупречном английском.

— С радостью — если позволит князь, — сказал Кинг тоже по-английски.

Князь насупился, но высочайших возражений не последовало. Вместо этого он сунул портсигар под нос своей изящной родственнице, которая как раз в этот неудачный миг наклонилась посмотреть, как Кинг неуклюже освобождает рыбок.

— Посмотри, какие червяки, — любезно сказал князь, со щелчком открывая крышку.

— Ой! — вскрикнула дама, отпрянув. — Выброси их! Гадость какая!

— Да они не кусаются, — насмешливо сказал князь. — Вот! Я их не боюсь. Посмотри на этого.

Он поднял извивающегося червя, и она бросилась к скале. Тут она случайно глянула на отвернувшееся лицо Тракстона, увидела на нём широкую ухмылку — и рассмеялась быстрым, отрывистым смехом смущения.

Надо признать, самообладание Кинга было сильно поколеблено. Во-первых, его поймали за самым предосудительным занятием. Во-вторых, он вовсе не был уверен, что князь спасёт его от позорного изгнания на глазах — а может, и по распоряжению — этой стройной, привлекательной особы из княжеского дома. Он неловко возился с рыбками и гадал, герцогиня она или просто графиня. Даже коронованная особа может подпрыгнуть при виде червяков, рассуждал он.

Он поднял глаза и увидел, что она изучает его с явным недоумением.

— Я просто забрёл сюда, — виновато начал он. — Князь взял меня в плен вон там, у большого дерева.

— Вы сказали, вас зовут Тракстон Кинг? — несколько недоверчиво спросила она.

— Да, ваше… да, мэм, — ответил он. — Из Нью-Йорка.

— Ваш отец — мистер Эмерсон Кинг? Вы брат Адели Кинг?

Тракстон уставился на неё.

— Вы что, наводили справки в полиции? — вырвалось у него.

— В полиции? Что вы натворили? — воскликнула она, прищурившись.

— Почти всё. Полиция обо мне всё знает. Я личность подозрительная. Я подумал, может, вам обо мне рассказали.

— Я спросила, брат ли вы Адели.

— Брат.

— Я слышала, как она говорила о брате Тракстоне. Она говорила, что вы в Южной Америке.

Он вытаращил глаза ещё сильнее. Верить ли ушам?

Она смотрела на него с холодным, оценивающим интересом.

— Интересно, вы ли это?

— По-моему, я, — сказал он, но с сомнением. — Простите мне моё изумление. Может, я сплю. Во всяком случае, я ошеломлён.

— Мы два года вместе учились в пансионе. Теперь, когда я присматриваюсь, вы и правда на неё похожи. Мы с ней были большими подругами.

— Значит, вы за меня заступитесь? — горячо спросил он, бросив выразительный взгляд в сторону стены.

Она радостно улыбнулась. И тут он понял, что никогда не видел такой сияющей улыбки.

— Больше того, — сказала она, — я помогу вам бежать. Идёмте!

Он пошёл за ней сквозь кусты; сердце его отчаянно колотилось. Князь, бежавший впереди, упоминал какого-то графа. Замужем ли она? Княжеской ли крови? Какая удивительная судьба сделала её подругой его сестры? Он оглянулся и увидел, что двое гвардейцев переходят мостик внизу, не сводя с него глаз.

— Вы очень добры, — сказал он.

Она оглянулась на него, и в её глазах мелькнула лукавая улыбка.

— Ради Адели, если позволите. Вторжение здесь — очень серьёзный проступок. Как вы сюда попали?

— Запрыгнул. Через стену.

— Советую обратно не выпрыгивать. Гвардейцы прыжков через стены не одобряют.

Он вспомнил несчастного мистера Хоббса.

— Человек от Кука пытался меня удержать, — сказал он, как и подобало. — Он был очень расстроен.

— Ещё бы. Так вы турист Кука? Как интересно! Бобби, дядя Джек ждёт, чтобы повезти тебя смотреть учёных собак у восточных ворот.

Князь издал радостный вопль, но тут же вернул себе достоинство.

— Не могу, тётя, пока не провожу его за стену, — твёрдо сказал он. — Я обещал.

Они прошли через маленькую калитку на извилистую тропинку, которая вскоре вывела их на широкую главную аллею. В голове у Тракстона вдруг прояснилось. Понял! Это же прекрасная графиня Марланкс! Но едва он к этому пришёл, как пришлось от этого отказаться: графиню звали Ингомеда, и её ему уже показывали.

— Видно, придётся вернуть дядю Джека из изгнания, — услышал он слова князя.

Дама наклонилась к мальчику и что-то быстро сказала ему по-французски — так тихо, что Тракстон не разобрал. Бобби посмотрел на американца, потом на неё, прыснул и с самым торжественным видом кивнул. Кингу почудилось, что в глазах у обоих пляшут одни и те же чертенята.

Ей не больше двадцати двух, решил Тракстон. Но в этих диковинных старых странах женятся и выходят замуж очень рано — особенно князья и княжны. Ему хотелось говорить, расспрашивать, изливать своё изумление, но он благоразумно решил, что лучше придержать язык: он отнюдь не был в себе уверен.

Как бы то ни было, его переполняла странная радость. Вот женщина, в которую он влюбится — так же верно, как то, что светит солнце. Ему нравилась эта мысль. Теперь он понимал, какая пропасть между Ольгой Платановой и той, в чьих жилах течёт царственная кровь. Ещё бы не пропасть! Вот она, истинная аристократка!

Совсем близко, шагах в трёхстах, вдруг вырос замок — серый и хмурый. Тракстона охватило дикое желание войти прямо в мрачные старые стены, объявить себя их феодальным владельцем и забрать всё себе — особенно молодую особу в шёлковом платье. По тенистому парку прогуливались люди. Ленивая счастливая праздность тут же заразила и его. Мужчины в ярких мундирах и в прохладной фланели, женщины в прелестнейших и изящнейших платьях — все беспечно нежились, будто жизнь — одни сплошные каникулы.

— Как вы думаете, вы найдёте вашего человека от Кука? — спросила она.

— Если он не пошёл и не бросился в реку, ваше… мадам. Во всяком случае, выход я, думаю, найду. Не стану утруждать вас провожать меня дальше. Спасибо, что простили мою нескромность. Спасибо, мой дорогой маленький князь, за самый счастливый час в моей жизни. Я никогда его не забуду. — Он смело посмотрел ей в глаза, а не на князя. — Вы бывали когда-нибудь в Нью-Йорке? — вдруг спросил он.

Он так и не понял, изумлённый это был взгляд или возмущённый. Во всяком случае, взгляд был быстрый, за ним последовала явная попытка удержать слова, первыми пришедшие ей на язык, и замена их очень вежливым:

— Да, и я его люблю.

Он просиял. Улыбки, мелькнувшей в её глазах, он не заметил. А заметь он её — растерялся бы ещё сильнее.

— Слушайте! — шепнул князь, отстав, будто хотел сообщить важную тайну. — Видите вон того человека у фонтана, мистер Кинг?

— Бобби! — резко сказала дама. — До свидания, мистер Кинг. Передайте от меня привет сестре, когда будете ей писать. Она…

— Это тёти Лорейн кавалер, — объявил князь. — Это граф Эрик Вос Энго.

Тракстон тут же взглянул с интересом. Указанный господин был невысокий, смуглый, в мундире полковника. Счастливым он в эту минуту не выглядел.

Американец заметил, что изящные ушки дамы порозовели.

— Позвольте спросить, кто… — робко начал Тракстон.

— Она поймёт, если вы просто назовёте меня Лорейн.

— Пока! — сказал князь.

Они тут же расстались: князь и дама в шёлковом платье пошли к замку, Кинг — к воротам, слегка оглушённый и вовсе не уверенный в здравости своих чувств. Пройдя некоторое расстояние, так сказать, по воздуху, он спустился на землю и решил, что здесь она герцогиня, а в пансионе была просто Лорейн. Какое чудесное место — пансион для девиц! И его сестра её знала — знала даму высокого рода!

— Хоббс! — окликнул он, завидев понурую фигуру у дверей главного смотрителя.

— А, это вы, — угрюмо сказал мистер Хоббс.

— Я, Хоббс, — самым несомненным образом я. Я удил рыбу с князем и беседовал со знатью. Где вас черти носили?

— Улаживал дело со стариком Фраашем. С меня хватит, сэр. Больше я с вами ни ногой, это уж будьте…

— Пойдёмте, Хоббс, — беспечно сказал Кинг, беря его под руку. — Князь передавал вам привет. А кстати, кто такая тётя Лорейн? Вы ведь всех тут знаете.

Хоббс остановился как вкопанный и посмотрел на него с выражением человека, которому только что вручили государственную тайну.

— Вот этого, сэр, сказать не могу.

— Не знаете?

— Знать-то знаю, сэр. Да не велено. Только что, пока я вас дожидался, от смотрителя прибежал лакей: кто бы ни спрашивал о даме, что гуляла с его высочеством, — ни слова. Распоряжение из замка, сэр. Я человек подневольный.

— Распоряжение из замка! — в восторге повторил Тракстон. — Хоббс, да ведь это тайна!

— Не могу знать, сэр, — с достоинством сказал Хоббс. — Мне велено молчать, я и молчу. Человек от Кука — могила.

— А он упоминал Кука? — спохватился он через минуту. — Князь то есть?

— Ещё бы, — соврал Тракстон. — Он отзывался о вас наилучшим образом. Интересовался, не найдётся ли у вас времени зайти завтра.

ГЛАВА V

В которой под мостовой заседает Комитет десяти и выясняется, кого назначили убийцей

Как уже было сказано, Тракстон Кинг, сам того не подозревая, был под двойным надзором. В том, что за ним приглядывала полиция, ничего удивительного нет: мы видели, как основательно работает ведомство барона. Но если за ним ходили по пятам и люди совсем иного сорта — значит, здесь есть тайна. Разгадать её можно, спустившись в одну подземную комнату, всего в двух кварталах от Башни.

Попасть туда во плоти было непросто. Для этого надо было принадлежать к определённому кругу людей, а чтобы к нему принадлежать — дать торжественную клятву вечного молчания и поклясться посвятить жизнь определённым целям: добрым или злым — смотря по совести. Нас же, по праву рассказчика, впустят без клятвы. Войдём и послушаем — в безопасности — недоброе дело Комитета десяти.

В эту комнату без окон, с низким потолком и спёртым сырым воздухом, вели два пути. Посвящённый мог спуститься через потайной люк в мастерской Вильгельма Шпанца, оружейника двора. А мог подняться через замаскированный пролом в стене большого городского коллектора, который тянулся глубоко под фундаментом старого дома. К пролому можно было подойти с любой стороны: от реки, за полмили отсюда, или сверху, с гор — если хватало духу спрыгнуть в один из водостоков.

Люк в мастерской был для самого оружейника и для тех, кто поразборчивее, — трёх женщин и одного человека, прочно устроенного при дворе. Не ждать же от дам, что они пойдут по сточной трубе, когда есть другие пути. Впрочем, и в мастерскую было не так просто попасть. Парадная дверь отпадала: за ней днём и ночью следил Данглосс. Задняя тоже. Поэтому избранные добирались окольными путями. Две женщины, например, входили через дружеские, но никому не известные двери в подвалах соседних домов и поднимались в мастерскую по узкой лесенке из затянутого паутиной винного погреба по соседству. Шпанц и Ольга Платанова, разумеется, жили здесь же. Из чего следует, что если в Комитете было десять человек, то по меньшей мере столько же лавочников в этом квартале сочувствовали их тайным делам.

Все эти ходы были так ловко скрыты, а Комитет действовал так тихо, что полиция пока и не подозревала о подземной комнате глубоко под мостовой. Больше того: полиция не знала и о самом Комитете десяти — хотя тот уже больше года работал тихо и всерьёз.

Комитет был мозгом и мотором небольшого кружка в Эдельвейсе, который называл себя «Партией равных». Проще говоря — «красные». Во всём Граустарке в эту анархистскую общину входило меньше пятидесяти человек. Больше года они готовились к решающему часу. Ряды их пополнялись приезжими из других стран, листовки ходили по рукам тайком. В основном это были люди, у которых жизнь что-то отняла: работу, мужа, отца, веру в справедливость. Они искренне верили, что мир, где один рождается князем, а другой подёнщиком, можно сломать одним ударом — и на обломках выстроить мир равных. Вера эта была тем опаснее, чем искреннее. Тихо, не поднимая шума, они строили своё дело, и ничего не отдавали миру, у которого рассчитывали отнять так много. Среди них были и люди из Аксфайна и Давсбергена.

Номинальным главой был Вильгельм Шпанц — тот самый, чей сын, Юлиус Шпанц, служил оружейным мастером при княжеском дворе. Настоящий же вожак жил далеко, в горах над Дунаем: Железный граф Марланкс, изгнанник, ненавидимый и проклинаемый каждым верным граустаркцем — и ненавидевший в ответ вдесятеро сильнее. Человек, которого лишила богатства и власти резким указом мать князя Робина, покойная Йетива, в дни своего самого славного правления, — этот человек в глубине своего бешеного сердца был полностью заодно с горсткой отчаянных красных, которые проповедовали равенство и готовили катастрофу.

Во всяком случае, так считали красные.

Ольга Платанова была последним приобретением этого избранного круга. Её отец, профессор Платанов, окулист и социолог, преподавал в большом немецком университете и считался одним из блестящих умов Европы. Он происходил из знатной семьи, был принят в лучших домах и запросто общался с первыми людьми империи. Варшавский дом Платановых был одним из самых гостеприимных и избранных в городе. Но увлечённость в конце концов увела профессора с проторённых путей: после пятидесяти он открыто встал во главе польских анархистов и революционеров. Меньше чем за год до начала нашей истории его казнили за государственную измену.

Его дочь Ольга слыла одной из самых красивых и образованных девушек Варшавы. Поклонникам не было числа, и далеко не все они были студентами. Наконец явился тот, кто победил и был любим, — сын могущественного герцога, принц крови. Это была настоящая любовь. Он поклялся жениться на ней наперекор всем и готов был отказаться ради неё от наследства. Но против них были силы посильнее юношеской любви. Самодержец огромной империи узнал о предполагаемом мезальянсе и пришёл в ужас. Через две недели принца вызвали ко двору. Ему объявили волю короны — и он подчинился. Он стал мужем нелюбимой тощенькой дамы в диадемах.

Ольга узнала о его смерти из газеты. Она сидела в кафе на Краковском предместье, и кто-то оставил на соседнем столике утренний листок. Петитом, на третьей странице, между ценами на овёс и прибытием поездов, сообщалось, что принц застрелился в собственном кабинете. Она прочла заметку дважды, аккуратно сложила газету, заплатила за кофе и вышла. Слёз не было. Она шла по улице и думала одно: он не смог без неё жить — значит, всё было правдой. А те, кто его убил, пьют сейчас утренний шоколад в своих дворцах.

С этого дня из тихой сторонницы отцовских идей она превратилась в самую пламенную их проповедницу. Нежная девушка за одну ночь стала женщиной, в чьей груди горела жажда мести тому сословию, от которого её любимого освободила только смерть. Отец понимал её — и всё же изумлялся.

А потом это сословие казнило и его. Ещё один камень на могилу её нежных девичьих идеалов. Когда пришёл срок, она приехала в Граустарк по зову Комитета десяти — готовая убить того, кого ей прикажут убить. И всё же в глубине души ей было очень страшно.

Ибо она приехала не затем, чтобы убить человека, состарившегося в преступлениях против её народа. Она приехала убить кроткого, ни в чём не повинного семилетнего мальчика.

Бывали минуты, когда сердце её сжималось от этого нечестивого дела; она даже молилась о том, чтобы умереть раньше, чем настанет час. Но отступить ей ни разу не пришло в голову. Жребий пал на неё ещё за несколько недель до приезда в Граустарк. Она не дрогнула, приехала решительная и готовая. Даже мужчины Комитета смотрели на эту тонкую темноглазую девушку с невольным трепетом. Ничего от убийцы в ней не было, и всё же они знали, что она не отступит. Она была нежна и кротка, как мадонны, которым они втайне поклонялись, — и сердце её было закалено для цели, перед которой отступил бы самый свирепый из них.

В субботу вечером, после последнего визита Тракстона Кинга к оружейнику, Комитет десяти собрался в подземной комнате, чтобы выслушать последнее слово того, кто не мог присутствовать лично, но всегда был с ними духом — если верить его самым пылким заверениям. Железный граф Марланкс, яростный враг всего богатого и знатного, был силой, стоявшей за Комитетом. Убийство маленького князя и свержение княжеского дома ждали его соизволения: сигнал должен был дать он.

Без него ничего начинать было нельзя: Марланкс обещал передать Комитету десяти власть над этой первой общиной, когда она станет владением анархистов.

Бедный Комитет десяти! Самая хитрая лиса в истории мира не была так хитра, как Железный граф. Когда-нибудь они поймут, что он таскал их руками каштаны из огня.

Комитет сидел вокруг длинного стола в душной, безвоздушной комнате; во главе — оружейник. Те, кто пришёл через коллектор, умылись в странной каморке, которая когда-то была тайным хранилищем феодальной добычи. Воздух, какой был, шёл из узкой вытяжки, пробитой наверх, в мастерскую, да через дымовое отверстие в потолке. Ольга Платанова сидела в дальнем конце, и в её тёмных глазах было мрачное, непроницаемое выражение. Весь этот едкий, желчный спор, затянувшийся далеко за полночь, она просидела молча и подавленно. Она знала, что эти люди уже видят в ней цареубийцу. Это было решено. Предопределено.

По правую руку от Шпанца развалился Петер Брутус, адвокат, бывший секретарь Железного графа и теперь его единственный представитель среди этих людей. Смуглый молодой человек с цепкими глазами и шапкой жёстких чёрных волос, которые зловеще нависали над высоким покатым лбом. Из всех подручных, являвшихся по первому зову Железного графа, Брутус был самым доверенным негодяем.

Рядом с ним сидел Юлиус Шпанц, сын оружейника, спокойный, плотного сложения молодой человек, а дальше по сторонам стола — остальные, погружённые в обдумывание тягчайших проблем мира. Из двух женщин одна была мадам Дровнаск, чей муж был сослан в Сибирь пожизненно. Другая — Анна Кромер, лекторша, высланная из Соединённых Штатов вместе со своим любезным мужем, убийцей, известным под множеством имён, который теперь служил бригадиром у мостостроителей на новой железной дороге.

Каждый мужчина — а мужчин было восемь, ибо Ольга в Комитет не входила, — носил на нижней половине лица огромную фальшивую чёрную бороду. Не потому, что они таились друг от друга, а из страха, что Данглосс или его агенты каким-нибудь чудом сумеют заглянуть к ним — хоть сквозь каменные стены. Эти люди не были склонны недооценивать удивительного барона.

На своём тайном совете Комитет десяти выглядел зловеще.

Говорил Брутус:

— Этот человек — шпион. Таллис привёз его из Америки. Рано или поздно вы убедитесь, что я прав.

— Лучше не спускать с него глаз, — посоветовал один из мужчин. — Мы знаем, что он связан с полицией, и знаем, что он бывает в замке, хоть и уверяет, что никого там не знает. Сегодняшний день это доказал. Предлагаю соблюдать с ним строжайшую осторожность.

— Мы и дальше будем следить за каждым его шагом, — сказал Вильгельм Шпанц. — Я проверял его в первый же день: нарочно заговорил о князе и смотрел, как он слушает. Слушал он как дурак — или как очень хороший актёр. Время покажет. Когда мы убедимся, что он сыщик и что он опасен, найдётся способ прекратить его деятельность.

Сын его добродушно ухмыльнулся и чиркнул пальцем по горлу. Старик кивнул.

— Данглосс подозревает не одного из нас, — заметил Брутус, переводя взгляд на Ольгу. В этом пристальном взгляде было липкое восхищение. — Но мы проведём старую лису. Скоро настанет время для удара, который освободит Граустарк от ярма. Он станет первым из наших владений, мы — первыми из равных. Ничто нас не остановит. Разве у нас не самый могущественный друг? Кто сильнее и хитрее графа Марланкса? Кто ещё мог бы задумать и построить такую великолепную организацию? Кто-нибудь станет это оспаривать?

Он завладел словом, а для красного завладеть словом — это всё. Полчаса он пылко распространялся о поразительных добродетелях своего хитрого господина и о его планах. Выяснилось, что у Марланкса есть друзья и сторонники по всему Граустарку. Сотни людей в горах — честные пастухи и бесчестные разбойники, которые на пастухах наживались, угольщики и порубщики леса, охотники и беглые — готовы исполнить его волю, когда пробьёт час. Более того, Марланксу удалось набить строительные артели на железной дороге людьми, готовыми на что угодно, и все эти люди подчинялись вожакам, готовым повести их на что угодно, лишь

бы против закона и порядка. По словам Брутуса, на дороге работала почти тысяча чужаков, и все они поднимутся по первой команде.

Вот чего не знал Комитет десяти: эти рабочие были попросту наёмниками на жалованье у Железного графа. Он и его агенты собрали их со всего света с единственной целью: одним внезапным ударом свергнуть корону — после чего граф Марланкс возьмёт власть в свои руки. Брутус, разумеется, всё это знал. Его товарищи по Комитету не имели ни малейшего понятия об истинных целях Марланкса.

С хитростью, достойной восхищения, Железный граф благословил убийство маленького князя руками красных, зная, что проклятия всего мира падут на них, а не на него, — а его собственные действия после цареубийства сразу выставят его непримиримым врагом анархии и всех её дел!

Мимоходом Петер Брутус коснулся и маленького князя.

— Он не очень большой, — сказал он со смешком, — и бомба, чтобы разнести его в клочья, понадобится не очень большая. Он…

— Замолчите! — вскрикнула Ольга Платанова, вскочив и глядя на него расширенными глазами. — Я не могу вас слушать! Вы не смеете так об этом говорить! Петер Брутус, вы не смеете говорить о… о том, что мне предстоит сделать! Никогда — никогда больше!

Все уставились на неё в изумлении и немалой тревоге. Первой заговорила мадам Дровнаск, вперив сверкающие глаза в осунувшееся белое лицо девушки:

— Вы что, не справитесь? Вы дрогнули?

— Нет! Я справлюсь! Но я не позволю шутить над тем, что мне предстоит. Для меня это священный долг. Но, мадам Дровнаск, — все вы, послушайте! — это всё равно жестокое, дьявольское дело. Не будь оно ради нашего великого человечества, я сама назвала бы его самой чёрной жестокостью, какую знал мир. Убить маленького мальчика! Милого, невинного маленького мальчика! Я вижу ужас на всех ваших лицах! Вы содрогаетесь, когда думаете о том, что мне предстоит. Да, вы втайне презираете меня, ваше орудие смерти! Я — я, девушка, — брошу бомбу, которая разорвёт это милое маленькое тельце. Я! Вы понимаете, что это значит? Пусть меня саму разорвёт той же бомбой — последним, что я увижу, будет его милое, испуганное личико, когда он поймёт, что я бросаю… Ах!

Она стояла перед ними и дрожала всем телом, закрыв глаза, словно хотела не видеть страшной картины, которую рисовало её воображение. За столом побелели и другие лица, у других застыла в жилах кровь. Только усмешка на лице Анны Кромер стала глубже.

— Она всё испортит, — злобно прошипела она.

Ольга подняла веки. Её тёмные глаза посмотрели прямо в глаза старшей женщины.

— Нет, — тихо сказала она, и тело её обмякло. — Я ничего не испорчу.

Вильгельм Шпанц пристально, даже подозрительно наблюдал за ней. Теперь лицо его прояснилось.

— Она не подведёт, — спокойно объявил он. — Не тревожьтесь. Она дочь мученика. В ней его кровь. Эта кровь прольётся за то же дело. Сядь, Ольга, дорогая. Мы больше не будем говорить об этом — до тех пор, пока…

— Я знаю, дядя, — тихо сказала она, садясь и снова принимая безучастный вид.

Разговор вернулся к Тракстону Кингу.

— А может, его просто привлекает красота нашего очаровательного юного друга? — предположила мадам Дровнаск, когда высказались все, кто хотел объяснить его интерес к лавке. — Говорят, у американцев это в обычае.

— Мисс Платанова вполне достойна внимания любого мужчины, — согласился Брутус с любезной ухмылкой.

Ольга словно сжалась. Было ясно, что с этими людьми у неё мало общего.

— Это часть его игры, — сказал Юлиус Шпанц. — Он знает прошлое Ольги и ждёт случая застать её врасплох. Может, он даже станет за тобой ухаживать, кузина, в надежде, что… Не в обиду, дорогая, не в обиду!

Её взгляд заставил его замолчать.

— Мистер Кинг не шпион, — твёрдо сказала она.

— Что ж, — подвёл итог Вильгельм Шпанц, — мы в безопасности, если не будем с ним рисковать. За ним нужно следить постоянно. Если выяснится, что он тот, кем его считают некоторые из нас, найдётся способ его обезвредить.

— Пусть держится подальше от лавки, — сказал Петер Брутус, искоса взглянув на тонкий профиль девушки на другом конце стола.

Она вдруг улыбнулась, к изумлению своих зловещих товарищей.

— Не бойтесь, Брутус. Когда он узнает, что вы возражаете, он будет очень вежлив и станет обходить нас за версту, — сказала она.

Петер сердито покраснел.

— Ничего хорошего у него на уме нет, — огрызнулся он. — Поиграет с тобой — и пфф! Укатит, радуясь.

Она всё улыбалась.

— Вы обо мне очень высокого мнения, Петер Брутус.

— Ну, — упрямо сказал он, — сама знаешь, что такие, как он, думают о продавщицах. Считают их законной добычей.

— А что о нас думают такие, как вы? — тихо спросила она.

— Довольно, — вмешался Вильгельм Шпанц. — Итак, Брутус, что скажет граф Марланкс насчёт этого дня через две недели? Будет ли он готов? В этот день князь и двор будут присутствовать при открытии памятника Йетиве на Главной площади. Во всём Граустарке праздник. Никто не будет занят своим обычным делом, и…

Брутус перебил его:

— Именно этот день граф и поручил мне предложить Комитету. Он считает, что лучшего дня не найти. Ничто не должно сорваться. Мы победим одним ударом. К полудню того дня, двадцать шестого июля, Комитет десяти будет у власти. Начнётся новый порядок. Начнётся новый мир, и Эдельвейс станет его центром, вокруг которого будет вращаться всё остальное. Мы — Комитет десяти — будем его истинными основателями. Нас будут прославлять вечно…

— Слышали уже, Брутус, — бесцеремонно сказал Юлиус Шпанц. — Сто раз. Разговоры, разговоры, разговоры! Сейчас нужно дело. Мы уверены, что двадцать шестого июля граф сделает всё, что обещал? Его планы доведены до конца? Его силы готовы к удару?

— Безусловно. Они ждут сигнала. Больше ничего не могу сказать, — буркнул Петер. — Смерть князя будет сигналом к свержению нынешнего правительства и установлению нового порядка равного человечества.

— В конце концов, — задумчиво сказал Юлиус, оружейный мастер замка, — убить князя, пока он маленький, даже милосерднее. Это избавит его от долгой жизни в тревоге и страхе — и от вечного ожидания того самого, что с ним теперь случится. Да, лучше, чтобы это случилось скоро.

В глубине души Юлиус любил маленького князя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.